

И стали они жить-поживать

Пламя Сердца Земли

Светлана Багдерина

6

Царь Костей с исполинским войском при поддержке Змея-Горыныча подступает к стенам Лукоморска. Как бы бесстрашны, упорны и изобретательны ни были защитники города, шансов выстоять против невиданной мощи волшебства и стали у них нет. Вернее, не было — пока в окошко дворца не влетел на Масдае его премудрие Агафоник Великолепный с подарком горных демонов в мешке, незаконченным высшим магическим образованием за душой и бесценной шпаргалкой в рукаве.

Но даже с этими сокровищами современной магии исход осады остается под сомнением. Ведь судьба Лукоморска, его отважных защитников и даже всего Белого Света решается не под стенами столицы, а в далеком царстве Костей, в замке Костея, в Проклятой башне, куда попасть Ивану, Серафиме и Находке без приглашения хозяина замка нельзя никак...

Светлана Багдерина

Пламя Сердца Земли

*Пришла беда —
затворяй ворота.*

**Лукоморская
поговорка**

Первое заседание оборонного командования Лукоморья закончилось быстро и ничем.

Узнав о грядущем нашествии вражеских орд, поглядев на карту и померив расстояние от границы с Сабрумайским княжеством до Лукоморска пятерней, бояре пришли по очереди в шок, ужас, возбуждение, раж, и закончилось всё тяжелым случаем ура-патриотической лихорадки.

Боярин Никодим провозгласил, и все остальные, на мгновение задумавшись над альтернативой, его поддержали, о желании вести военные действия малой кровью на чужой земле. Но поскольку к предполагаемой дате нашествия собрать, снарядить и обучить хоть сколько-нибудь заметное войско для опережающего удара возможным никак не представлялось, порешили встретить захватчиков на границе и устроить им

последний день Пнёмпеня.¹

Одинокий несогласный голос новоявленного князя Грановитого обкомом был показательно проигнорирован, главнокомандующий армии всея Лукоморья царь Симеон, поддавшись на этот раз общественному мнению, настаивать не стал, и высокородные разошлись с прямым поручением разработать в двухдневный срок и представить пред ясные очи план Костейской кампании.

Оставив Граненыча кипеть в пустом зале от бессильной злости.

Данила Гвоздев, сочувственно поморщившись и пожав плечами, отправился набирать добровольцев, а Митроха, путаясь с непривычки в полах шубы с царского плеча,² в самом черном из

¹ Что такое или кто такой Пнёмпень, бояре не знали, но звучало красиво, многозначительно и достаточно угрожающе.

² Шуба ранее принадлежала отцу старого царя, ибо в шубе с плеча самого Симеона запутаться мог разве что двенадцатилетний подросток. В шубе же Василия могли с комфортом поместиться шестеро таких, как Граненыч.

«Второй случай за день», — озабоченно подумал Симеон, оглядывая нескладную фигуру, больше напоминающую огородное пугало, чем благородного князя. — «Не пора ли подумать об изобретении какого-нибудь другого знака отличия? Например, медали...»

своих самых отвратительных настроений направился в библиотеку.

— Ах, Митрофан, Митрофан... — встретил его на пороге своей волшебной каморки в соседнем измерении Дионисий, горестно качая головой. — Можешь не рассказывать: я там был и все слышал... Как нехорошо... Как всё нехорошо... Почему бояре не хотят видеть очевидное? Врагов же больше, и они лучше обучены! На равнине они сомнут нашу армию, как горная лавина сминает и корежит редкие кусты! Даже я, библиотечный, не имеющий к военному делу никакого отношения, понимаю это! Почему не понимают они, воеводы?

Граненыч, успев немного успокоиться по дороге, с угрюмой физиономией молча скинул шубу в прихожей, прошел на кухоньку и сел за стол.

— Чаем напоишь, хозяин?

— Конечно, Митрофан, самовар только что вскипел. Тебе с мятой, с малиной, с кипреем, со смородиновым листом, с чабрецом?..

— Давай с мятой, — махнул рукой Граненыч. — Кстати, давно хотел тебя спросить, если не возражаешь...

— Да, спрашивай, — удивленно взглянул на друга хозяин библиотеки.

— Откуда ты всё это добро берешь? В библиотеке у тебя, вроде, трава не растет, на кухне

до недавних пор книг твоих никаких не было, чтобы Путем Книги туда пройти...

— Долгая история, — заметно смутившись, опустил глаза тот.

— Ну долгая так долгая... — вздохнул князь Митроха, снова вспомнил о сегодняшнем совете и еще раз вздохнул — на этот раз более выразительно и по другому поводу, и его словно прорвало:

— Понимаю я их, бояр-то, по-человечески, что ни говори... Врага к себе домой своими руками пускать кому ж охота... Да только другого варианта ведь нет, Дионисий! Правильно ведь ты заметил: нам супротив них в чистом поле не выстоять. Один против пятерых, при неблагоприятном рельефе окружающего ландшафта — где это слыхано! Пусть ты герой и один троих положил, да четвертый и пятый тебя всё равно достанут!.. Да и мы про их войско ничего кроме того, что летучая женщина царицы Елены сказала, не знаем. Может, их еще больше! Или меньше... Вооружение у них какое? Конницы сколько? Тяжелой, легкой пехоты сколь? Припасов надолго ли запасено? Велик ли обоз? Есть ли осадные машины? Какие? Сколько? Даже если царь Симеон мой план одобрит, а не ихний, без разведки на врага идти — всё одно, что слепому драться, как говорил генералиссимус Карто-Бито, это же и царю понятно!.. Должно быть. Наверное.

— А если разведчиков послать?.. —

нерешительно предложил свежий тактический ход Дионисий, захваченный рассуждениями Граненыча, позабыв про медленно остывающий в самоваре чай.

— Можно и послать. Но это ведь сколько дней пути туда, да пока они эту армию найдут, да если враг их не схватит, да пока обратно доберутся...

— М-да... — невесело подпер рукой подбородок библиотечный, и голубые глаза за толстыми стеклами его очков печально заморгали. — Так ведь еще и неизвестно, кто первый до Лукоморья доберется — они или супостаты...

— Вот и я о том же... — сам того не замечая, скопировал его позу Митроха и мрачно уставился на рукомойник в углу невидящим взглядом.

Тяжелая атмосфера, воцарившаяся на кухне, давила, словно небо, упавшее на землю. Холодный чай был рассеянно разлит по чашкам и выпит без комментариев, печенья и аппетита, сухо тикали часы на стене, нарезаая время на секунды, деловито возилась где-то под полом мышь, а они всё сидели и угрюмо смотрели куда-то в вечность.

И вдруг невеселое молчание было без предупреждения прервано Дионисием: он то ли вздохнул, то ли ахнул, глаза его широко распахнулись и застыли, а ладонь руки, так печально подпиравшей подбородок еще секунду назад, взмыла вверх и со всего маху шлепнула по

столу.

Пустые чашки и Граненыч подскочили одновременно.

— Ты чег...

— Я придумал!!! — радостно улыбаясь от уха до уха, вскричал библиотечный и со всей дури затарабанил маленькой ладошкой по столу.

На этот раз испугались только чашки: князь Грановитый оказался морально готов к такой нехарактерной форме проявления эмоций в своем сдержанном обычно друге.

— Чего придумал-то? — только повторил он, надеясь, что смысл вопроса, наконец, дойдет до библиотечного, и он прекратит изъясняться странными жестами и начнет говорить на человеческом языке.

— Придумал, как вызнать всё про армию Костя, конечно!

— И как же?

— Надо попросить Кракова! — сияя, как начищенный пятак, объявил хозяин библиотеки и победно воззрился на Митроху, будто ожидая оваций и криков «браво!».

К его удивлению, ни того, ни другого не последовало.

— Кого-кого?.. — было единственной реакцией Граненыча.

— А разве я никогда не упоминал

Кракова?.. — растерянно захлопал ресницами Дионисий. — Ох, прошу прощения великодушно... Краков — это ворон. Обычно он относит мои рукописи в издательство, приносит авторские экземпляры и гонорар...

— А на что ты тратишь гонорар, ежели не секрет, конечно? — не удержался от любопытства Граненыч.

— Естественно, на книги! — довольно улыбнулся библиотечный и продолжил: — Надо пригласить Кракова, объяснить ему наше непростое положение, попросить отыскать армию царства Костей и всё про нее разузнать! Вообще-то я его давненько не видел, даже мысли нехорошие в голову закрадываться начали уже было... Но вчера вечером он прилетел повидаться и сказал, что у него было сломано крыло, а теперь все в порядке, и он снова может летать!

— А он согласится? — апатия и уныние, словно осенние листья под напором урагана, слетели с благородного князя, и он загорелся новой идеей.

— Если попрошу я — то может быть...

— А чтобы наверняка?

— Чтобы наверняка, то должна попросить Обериха.

Кажется, это называется дежа-вю.

— Кто-кто?..

— Понимаешь, Митрофан, в жизни каждого человека... или представителя древнего народа, каковым являюсь я... всегда существует одна женщина, — сбивчиво заговорил библиотечный, — которая, как бы тебе ни было плохо и трудно, непременно поймет тебя, посочувствует от всей души... пожалеет так, что на сердце станет тепло и радостно, как бурной весной... Она поможет, не прося ничего взамен, поддержит, даже не спрашивая, нужно ли тебе это, так как прочтет всё в твоих глазах, приласкает, как солнышко в ненастье... И эта женщина...

— Да?..

— Эта женщина...

— Да?..

— Эта женщина — бабушка... — смущенно закончил хозяин библиотеки панегирик любимой.

— Твоя бабушка — дворовая? — нерешительно предположил Митроха после непродолжительного молчания, наполненного созерцанием. — Или как это называется у вас?..

— Моя бабушка — лешачиха! — с гордостью и нежностью ответил Дионисий, и глаза его под очками увлажнились.

Старая Обериха жила в самом дальнем уголке дворцового парка, там, где кончался тонкий налет цивилизации и начиналась настоящая глушь и дичь. Деревья и кусты, будто чуя защиту и заботу

лешачихи, старались расти именно здесь, и среди них даже разворачивалась нешуточная конкуренция. Проигравшие экземпляры влачили жалкое существование, обрезаемые и подпиливаемые недрогнувшей рукой садовника по его или царской прихоти, в то время как преуспевшие в межвидовой борьбе образцы блаженствовали и процветали на неприступных для внешнего мира десяти сотках.

Не одно поколение садовников и их подручных, видя в существовании такого нетронутого уголка дикой природы личное и смертельное для себя оскорбление, вооружались пилами, ножовками, топорами и ведрами с садовым варом и побелкой, и с отвагой и беспечностью невежества выступали в поход против оберихиных палестин...

Назад возвращались немногие.

По крайней мере, в тот же день.

Остальных — без инструмента, шапок, сапог и большей части рассудка, с шальными глазами и несвязными речами, находили через неделю-другую — как правило, случайно. Дрожа и пристукивая зубами, местами подвывая от пережитого ужаса, они наперебой рассказывали, как столько дней подряд водил их по бурелому через тайгу проклятый леший, а когда им ненавязчиво напоминали об истинном размере

поросшего деревьями участка, начинали безумно хохотать.

После таких происшествий не поддающийся облагораживанию медвежий угол, как прозвали его во дворце, несмотря на полное отсутствие в нем медведей, надолго оставляли в покое.

Пока не приходил на государеву службу новый садовник, и все не начиналось с самого начала...

Некоторые, особо суеверные, поговаривали, что заросли эти заколдованы, так как их не тронул даже пожар, который разразился одной засушливой летней ночью несколько лет назад по неизвестной причине и погубил одним махом весь так тщательно лелеемый сад подчистую. Ревущий огонь, пожравший, не подавившись, всю культурную растительность, скамьи, беседки, статуи, садовый инвентарь, беспечно оставленные коротать ночь под звездами садовниками, и даже фонтанами, остановился у диких зарослей, словно налетел на железный занавес, нерешительно потоптался на месте и с пристыженными извинениями потух.

Популярности это событие несговорчивой лесополосе не добавило, но ныне здравствующее поколение работников секатора и лейки укрепились в уверенности, что лучше обходить ее стороной.

Вот к такому замечательному уголку

дворцового парка и прибыли в самом начале ранних осенних сумерек полный надежд князь Грановитый и нервно оглядывающийся по сторонам хозяин библиотеки.

— Ты кого-то боишься, что ли? — не выдержал Граненыч, когда они были уже почти у цели.

— Я?.. Нет, чего мне здесь бояться... Просто... с тех пор, как я ушел жить в библиотеку... я никогда не выходил на улицу. И небольшой приступ агорафобии — именно то, чего и следовало ожидать после стольких лет добровольного затворничества.

— Скольких лет? — любопытно спросил Митроха.

— Столько не живут, — отмахнулся Дионисий и сделал решительный шаг вперед, в спутанные, словно давно нечесанные волосы неряхи, заросли орешника. — Но я твердо заявляю, что тебе тут опасаться нечего. Здесь нет ничего, что могло бы повредить тебе, пока я с тобой. Пойдем скорее. Мне так не терпится...

На улице еще разливался пепельный вечерний свет, но едва хлесткие ветки сомкнулись за спиной, как друзей окружила непроглядная тьма, как черная удушливая перина, отрезавшая не только закат, но и все звуки большого города, готовящегося ко сну. Кроме шуршания сухой травы под ногами и шороха

раздвигаемых ими ветвей до них не доносилось теперь ни единого звука.

— Куда сейчас? — несколько тише, чем собирался, проговорил Граненыч.

— Не помню... — так же тихо и растерянно ответил библиотечный.

— Я думал, она тебя встретит.

— Может, она уже спит?

— В такую рань?

— Середина октября, — пожал невидимыми плечами Дионисий.

— И что ты предлагаешь?

— Давай пройдем еще — не исключено, что после неспешной прогулки по заповедным местам, бывшим мне когда-то вторым домом, я смогу вызвать в своей памяти местонахождение ее... ее...

Настороженная, но безобидная до сих пор тьма неожиданно вздохнула, зашевелилась, приобрела глубину и обдала пришельцев липким сырым воздухом с привкусом гнили.

— Так куда идти-то, говоришь? — произвольно поежившись, не слишком любезно посмотрел на друга Граненыч.

— К-кажется... туда, — определился библиотечный и уверенно двинулся вперед, рассекая маленьким плечиком недовольно заскрипевшие заросли и увлекая за собой Митроху.

Тьма, кажется, опешила от такого нахальства,

удивленно отпрянула, мелькнув на секунду мелкими звездочками над головой, но этим проявление ее слабости на сегодняшний вечер и окончилось. Мрак взвился из-под самых ног чернильными клубами, и они очутились в самой полной и непроглядной мгле, какую только могла породить защитная магия залегшей на зимовку старой лешачихи.

Граненыч инстинктивно остановился и осторожно протянул руку вправо, где в последний раз видел Дионисия, но вместо теплого плеча друга пальцы его сомкнулись на чем-то холодном, жестком и мокром.

Вокруг его запястья быстро, со свистом, обвилось нечто. Он дернулся было, но тут же замер: скорее он бы остался без конечности, чем поддались бы те невидимые, но цепкие силки, в которые он угодил.

— Дионисий?.. — нервно позвал он, но слова, едва срываясь с губ, растворялись в промозглом холоде без остатка, не долетая даже до его собственных ушей. — Дионисий!..

Митроха замер. Что-то или кто-то проворно обнял железной хваткой его вторую руку, обе ноги и теперь принялся за талию.³

³ Хотя с этим у противника могли возникнуть непредвиденные проблемы, с которыми уже успел

— Отпусти, окаянный!.. — отчаянно рванулся он, как муха, запутавшаяся в паутине, но кроме ощущения того, что, так и не найдя талию, незримый враг решил обмотать своими удавками его тело целиком, другого результата не было.

Свободной оставалась только шея.

Ой, сглазил...

Кто-то или что-то мягкое ударило его под коленки, и если бы не прочные, словно железные, растяжки, не позволявшие ему и шевельнуться, он бы свалился в траву, скрывавшую, как мины, перестоявшие склизкие грибы.

Но это что-то не отступало и не сдавалось: оно возилось у него под ногами, пинаясь и брыкаясь что было сил, и несколько раз весьма чувствительно угодило прямо по косточке на правой ноге.

— Дионисий?.. — попробовал еще раз Граненыч, и звук, вырвавшийся из его сжатого страхом и неторопливой, но эффективной удавкой, горла был настолько слабым и сиплым, что не разбудил бы даже спящего зайца. — Дионисий!!!..

— Ба...буш... ка... — едва слышно донеслось откуда-то из района его правого колена то ли

столкнуться придворный портной вчера вечером: «Сорок три на сорок три на сорок три — где будем талию делать?»

агонизирующее шипение, то ли предсмертный сип.⁴

И через долгую, как столетие, секунду снова:

— Ба...буш...ка!..

Тьма как будто прислушалась, стала осязаемой, настороженной, сонно-недовольной.

— Ба-буш-ка!!!.. — прохрипел хозяин библиотеки, кашляя и задыхаясь. — Это я... Дио... то есть, Непруха!.. Помогите мне!.. нам!.. Скорее!.. Ба!!!..

Темнота на мгновение замерла, потом недоверчиво заворочалась, закричала и стала редеть. Проступили смутные очертания деревьев, кустов, странных коряг и причудливых узловатых корней, волнами выпирающих из отжившей свое лето травы...

Сонный лес зашумел, затряс ветвями, словно человек, не верящий своим глазам — головой, и из самого бурелома выступила сутулая простоволосая старуха двухметрового роста, в длинной пестрой рубахе из бересты, в лыковых лаптях на босу ногу и с толстой корявой веткой в тощей жилистой руке.

— Это кто еще тут на зиму глядя разорался? Вот я вас сейчас, крикунов-то, по горбу батогом-то вытяну, будете знать, как...

⁴ Разница исключительно академическая.

— Бабушка!.. Это же я!.. Непруха!..

Круглые совиные очи на морщинистом, как древесная кора, землистом лице старухи вытаращились и стали еще круглее, палка выпала из ее руки, а в лесу словно вспыхнуло солнышко.

— Непруха!.. Постреленок!.. Оголец!.. Нешто вернулся!.. Бросил свои книжки!.. Ай да молодец! — лешачиха взмахнула тощими руками, как неведомая экзотическая птица, и в восторге захлопала себя по бедрам.

— Ба?.. — хозяин библиотеки вопросительно поднял на нее глаза с уровня Митрохиных лодыжек, плотно замотанный в несколько витков корней, словно гусеница неведомой породы.

— Ой, извини, милоч!.. — и Обериха хлопнула в ладоши.

Раздался сухой звонкий звук, словно ударились друг о друга две дощечки, и корни, оплетавшие библиотечного, испарились.

— А моего друга? — капризно нахмурился Дионисий.

— Этого, что ли? — подозрительно уставилась на Митроху старуха.

— Этого, — непреклонно подтвердил библиотечный. — Я познакомлю вас сразу, как только ты его освободишь.

— Ну смотри, внучок, — неодобрительно покачала головой лешачиха, не сводя глаз с

Граненыча, но свой трюк с хлопком повторила.

И Митрофан, вмиг лишившись опоры, обрушился на землю, траву и грибы.

Хозяин библиотеки поспешил подать ему руку, но лучше бы он искал ему новую пару ног: эти после устроенной им лешачихой встречи к использованию в течение еще как минимум четверти часа явно не годились.

— Позвольте вас представить, — церемонно проговорил библиотечный, решивший, в конце концов, не мучить князя и оставить его в сидячем положении на несколько минут, — мой лучший друг, читатель моей библиотеки Митрофан Гаврилыч.

— Митрошка, значит, — все еще настороженно проскрипела старуха и снова обрушила водопад своего внимания на любимого внука. — Ну, если он и впрямь тебе приятель...

— Единственный друг, — упрямо поправил бабушку библиотечный.

— Ага... он так друг... А я тебе теперь — кошкин хвост... Вспоминаешь только когда надоть чего... Совсем в своей бильбивоотеке одичал! Говорила ж я тебе: книжки до добра тебя не доведут, не нашего это ума дело, не нашего!..

— Ну не обижайся, бабушка, — шагнул к ней Дионисий и нежно обнял за коленки. — Где бы я ни жил и чем бы ни занимался, ты же знаешь, что я

тебя люблю больше всех и горжусь тобой. И я никогда не забуду, кто украл для меня из сумки учителя маленькой царевны мой первый букварь. А ты?

— Лучше б я из его сумки розги тебе тогда вытащила — пользы гораздо больше было бы, чует мое сердце, — брюзгливо проворчала лешачиха, но и Граненычу было видно, что она растаяла.

— Бабушка, бабушка... — блаженно полуприкрыв глаза и улыбаясь, Дионисий вдыхал с детства знакомый октябрьский аромат сонного леса, поникших трав, сырости и поздних грибов. — Как я по тебе скучал...

— Лиса-подлиза хитрая, — беззлобно пробурчала Обериха, наклонилась и обхватила блудного внука обеими сучковатыми руками. — Ишь, бабушкин сынок...

Она любовно взъерошила волосы Дионисия, невзначай смахнув с него велюровый берет с павлиньим пером, и развела руками:

— Ну, коли пришли гости дорогие по делу — проходите в избу, не стойте просто так. В ногах правды нет.

И будто по мановению волшебной палочки среди буйства невоздержанной растительности проступила, словно на детской картинке, где среди неразберихи и путаницы надо отыскать нечто, скрытое художником, приземистая, крытая зеленым

бархатистым мхом избушка, сложенная из поросших лишайником черных от времени и дождей бревен.

Обериха взяла их обоих за руки и сделала шаг прямо в стену. Но не успел Митроха испугаться или хотя бы зажмуриться, как они оказались внутри.

— Ну-ка, давай-ка, проходи, проходи, располагайся, как дома будь, сорви-голова!.. — нежно улыбнулась в морщинки лешачиха.

Граненыч примерил последний эпитет к рассудительному, интеллигентному хозяину библиотеки и щеки его мгновенно надулись, как подушки безопасности в царской карете.⁵

— А у тебя все по-прежнему... — Дионисий обвел затуманившимся от нахлынувших воспоминаний взглядом бабкину хороминку и расплылся в счастливой улыбке. — Уютно и тепло...

«Без окон, без дверей — полна горница людей», — усмехнулся про себя Граненыч, пристраиваясь у стола на лавке из нескольких тонких стволиков осины, перетянутых лозой и уложенных на дубовых козлах. — «Это про нас».

⁵ Какое бы впечатление на него ни произвело приветствие Оберихи, но даже он понимал, что самое безопасное пока для него — не расхохотаться.

Рядом с ним расположился библиотечный, при появлении на столе большущей чашки со свежей земляникой окончательно позабывший о цели их визита. Напротив них, подперев острый подбородок корявой рукой, сидела, не сводя зеленых, как весенняя трава, глаз с любимого внука, Обериха.

Граненыч в основном налегал на орехи, запивая их вкусной ключевой водой из большой берестяной кружки, и горка скорлупы росла перед ним едва ли не быстрее, чем пустела тарелка с земляникой перед его другом.

— Ну что, гостеньки, насытились ли? — скрипучим, как лес на ветру, голосом любопытствовала лешачиха, когда опустели все тарелки, блюда и кружки. — Не хотите ли еще чего?

— Нет, премного благодарствуем за угощение, матушка, — солидно ответил Митроха.

Дионисий согласно кивнул.

— Ну тогда, внучок, рассказывай, зачем пожаловали к старой Оберихе.

Дионисий вернулся с неба уплывшего в незапамятные времена детства на землю тревожной предвоенной поры, вздохнул, откашлялся и приступил к изложению их с Граненычем просьбы.

— Значит, говоришь, царь иноземной державы идет нас воевать? — задумчиво

переспросила Обериха когда он закончил свое невеселое повествование, и оба гостя ретиво закивали.

— И не просто царь, а злобный колдун, каких еще свет не видывал, — уточнил хозяин библиотеки.

— А диспозиция его расположения и материально-техническое обеспечение, что значит направление движения и сила, нам неведомы, — озабоченно и важно добавил Граненыч.

— Ну, про эту... позицию... дис... я не знаю, а про направление движения я вам хоть сейчас сказать могу, — хмыкнула старуха. — Он пойдет по новой Сабрумайской дороге, потому что не по лесу же напрямки ему с войском переть, а на старой Сабрумайской дороге и две косули не разойдутся, не то что армия, да и петляет эта дорога не хуже тех же косуль, когда они от волков спасаются.

— А вы откуда знаете? — захолопал глазами князь Митроха.

— Откудоть... — усмехнулась лешачиха. — Откудоть и знаем, что сама я из тех местов родом буду.

— А что же ты тогда здесь делаешь, бабушка? — глаза Дионисия, и без того огромные под стеклами его круглых очков в пол-лица, увеличились еще больше.

— Долгая история, Непруха, — отмахнулась

лешачиха. — Когда-нибудь в следующий раз в гости придешь — может, и расскажу, если в духах буду. А пока неохота. Да и не до того сейчас, я так понимаю. Ты ж не к книжникам своим слетать у меня Кракова просишь, а?

— Да, бабушка. Нам очень надо, чтобы он отыскал армию Костея, все высмотрел и поскорее к нам вернулся с докладом.

— А когда расскажет он вам, как да куда да сколько, и что вы делать потом будете? — хитро прищурившись, полюбопытствовала старуха.

— У меня на этот случай уже план в голове растет, — важно поднял палец к бревенчатому в два наката потолку Митроха. — Во-первых, если он действительно по той дороге пойдет, надо деревни предупреждать, чтоб ни люди, ни припасы ему не достались. Во-вторых, скорей артели туда послать, засеки рубить, чтоб его армия точно в сторону не свернула и бед не натворила, где ее не ждут. В-третьих, других рубщиков да охотников надо снарядить — вдоль дороги ловушки ставить, чтобы их продвижение замедлить — у нас ведь к осаде конь не валялся: во рву пьяный воробей не утонет, ни камней нет, ни смолы, ни масла, ни котлов, а боевую технику поди еще сто лет назад древоточец доел!.. А стена вон вокруг Соколовской слободы даром что от новой Сабрумайской дороги недалече, так и до половины не достроена, а сейчас где людей

столько взять, чтоб все успеть! А еще ведь есть земляные работы!..

Если бы не в доме, Граненыч плюнул бы в сердцах, а так только сухоньким кулачком по столу пристукнул, и слово непечатное под нос пробормотал.

Лешачиха как-то странно поглядела на него, склонив лохматую голову на бок, и неторопливо перевела непроницаемый взгляд на внука.

— А ты чего скажешь, Непруха? Так ли страшен этот царь костяной, как вы его расписали, или это вы меня напугать хотите, чтоб я вам ворона отдала?

— Пугать — не по нашей части, матушка, — припомнил теплый прием, оказанный им Оберихой, и решил, наконец, слегка обидеться Граненыч.

Польщенная лешачиха кокетливо потупилась.

— Что мы тебе рассказали, бабушка, так это даже не цветочки — бутончики, — насупился Дионисий и сплел пальцы в замок. — Неужели ты нам не веришь? Если у него такой помощник был, то каков он сам!.. Готов поставить на кон всю мою библиотеку, что если мы не сможем дать ему достойный отпор, то плохо будет всем, и не только людям. И если ты не дашь нам Кракова, то мы не сможем...

— Да не гоношись ты, не гоношись, — сделав вид, что рассердилась, прицыкнула на него

Обериха, и библиотечный, не договорив фразу, послушно замолчал.

— Послушай теперь, что я тебе скажу, — буравя пронзительным зеленым взглядом внука, заговорила она. — Кракова я вам даю безо всяких разговоров...

— Спасибо, бабушка!..

— Но перед тем как лететь для вас Костеево войско вынюхивать, он по дороге заскочит к хозяйке леса, по которому новая Сабрумайская дорога проходит. Да и старая тоже. А ты, мил человек, — вперилась она цепко в Граненыча, и он под ее взглядом почувствовал себя амебой под микроскопом знахаря, — ты за ночь эту продумай всё хорошо, что в том лесу надо делать — ловушки там, или еще чего выдумаешь — и утром Кракову растолкуешь понятно, чтобы он мог все без запинки той хозяйке передать. И тогда людей тебе только к своим крестьянам посылать придется — об остальном не беспокойся.

— К хозяйке леса?!.. — только и смог проговорить изумленный Граненыч.

— К самой старой лешачихе, — неверно истолковала его удивление и милостиво пояснила старуха. — Обдерихе.

— Но, бабушка...вдруг она не захочет... не будет слушать... — привстал Дионисий.

— Захочет и будет, куда она, голуба,

денется, — зубасто ухмыльнулась Обериха.

— А если она тоже уже спит?

— Проснется.

— Но почему ты в этом так уверена?

— Она же моя сестра, милочка. И за ней числится должок.

— Но если она... — Митроха мгновение поколебался, выбирая вариант поделикатнее и продолжил: — ...забыла о нем, к примеру?

На этот раз лешачиха всё поняла правильно.

— Это у вас, у людей: хочу — помню, хочу — к лешему пошлю, — снисходительно фыркнула она, и в избушке запахло дегтем. — А у нас, у древнего народа, всё по-честному. Так что будут тебе, мил человек князь Митроха, и засеки, и ловушки. Это я тебе обещаю.

Заседание оборонного командования Лукоморья под председательством и командованием самого царя Симеона было в самом разгаре.

На повестке дня стоял план отпора агрессору — первый и единственный.

— ...И разобьем супостата в пух и прах у самой границы, тем славу снискаша, и главы наши, ежели нужда будет, сложиша. Все как один поляжем, а ноге вражьей по лукоморской земле не ступать! Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим! — грозно сдвинув

мохнатые брови и отложив в сторону шпаргалку, высокопарно закончил речь боярин Никодим и так припечатал карту к столу своим пудовым кулаком, что перепуганно дзенькнули стекла в книжных шкафах у стены, а царь Симеон подпрыгнул на своем военно-полевом троне и схватился за сердце.

Обком в составе трех десятков думных бояр одобрительно переглянулось и согласно задвигало бородами: речь была зажигательная, толковая, глашатаи на лозунги вмиг растаскают — как пить дать. Хватит, натерпелись оккупантов. Драться надо. Как отцы и деды наши наказывали. Живота не щадя ни своего, ни вражьего.

— Так значит, ты, боярин Никодим, предлагаешь встретить Костеево войско у границы с Сабрумайским княжеством и сразу дать бой? — переспросил царь, задумчиво разглядывая принесенную боярином карту, старательно исчерченную гнутыми толстыми красными и чахлыми синими стрелами и испещренную многочисленными, тщательно прорисованными фигурками лукоморских пехотинцев и конников, доблестно поражающих всеми доступными подручными средствами корявые черные загогулины — врага.

— Истину глаголешь, царь-батюшка, — прогудел Никодим по инерции на старолукоморском. — И если будет мне от тебя

доверие, я самолично впереди на белом коне с мечом в руках, как все Труворовичи — верные государевы слуги — до меня, дружины наши на смертный бой поведу!

— Самолично, говоришь... — Симеон сдвинул корону набекрень и почесал за левым ухом. — А тебя не смущает, что у нас войска в десять раз меньше, чем у Костея?

— Зато через свою отвагу и любовь к Лукоморью-батюшке любой из них в сече за пятерых сойдет!

Царь с сомнением уставился на карту, повернул голову и так и эдак, рассматривая иероглифы военного искусства, и, наконец, медленно опустил голову на грудь.

Авторы плана — бояре Демьян, Евсей, Никифор и Феофан во главе с небезызвестным уже Никодимом предпочли расценить этот жест как кивок согласия и оживленно загомонили, поздравляя друг друга с первой победой.

— Ну что же... План твой, по-моему, хорош... — все еще не решаясь высказать окончательное одобрение и тем подписать себе приговор в истории, не спеша проговорил Симеон и обвел близоруким взглядом военный совет, подолгу останавливаясь на каждом, словно ожидал увидеть кого-то, и никак не мог его найти среди знакомых лиц. — И если возражений ни у кого не будет...

Бояре, не вовлеченные в разработку плана, снова переглянулись и пожали плечами: какие уж тут возражения. План, конечно, не без греха, но другого за три дня и не придумаешь, время не ждет, и не на священную же лукоморскую землю костееву орду пускать!.. Тем более если что — вот они, авторы-полководцы, их и побьем всем миром, ежели живы останутся...

— Не будет у нас возражений супротив плана Никодима Ивановича, царь-батюшка, — изрек один за всех самый старый боярин Анисим.

— Значит, будем считать, что план мы твой, боярин Никодим...

— Погодим принимать!..

Двери палаты совещаний с грохотом распахнулись, и под древние своды ввалилась топорщащаяся и яростно хрустящая куча огромных свитков, рулонов, кипа фолиантов и гора рукописей и решительной поступью двинулась к столу.

Наткнувшись на него, передвижной букинистический магазин, поглотивший ранее лавку культтоваров, остановился. Из бумажно-пергаментных дебрей выросла рука, ощупала покрытую картой боярина Никодима столешницу, и ворох секретных материалов рассыпался перед носом изумленных бояр, растекаясь по столу бело-желтой шуршащей рекой.

А во главе стола, напротив царя, осталась

стоять длинная худая фигура в зеленом бархатном кафтане с измазанной разноцветными чернилами физиономией и с пучком пестрых перьев за оттопыренными ушами.

— О!.. Чингачгук — Большой Змей!.. — вырвалось у кого-то, и оборонное командование грохнуло смехом.

— Граненыч... — с облегчением вздохнул и позволил себе улыбнуться Симеон. — А мы тебя потеряли...

— Ага, потеряли...

Сумрачный взгляд Никодима недвусмысленно говорил то, что поостереглись сказать благоразумные губы: «Плохо потеряли, надо было лучше».

— Ты, кажется, что-то приготовил нам показать, Граненыч? — с любопытством и надеждой привстал со своего трона царь и потянулся к подкатившемуся чуть ли не к его груди исписанному с обеих сторон свитку.

— А чего там показывать, — презрительно пробасил Никодим, брезгливо отодвигая от себя ветхий том в порыжевшем от времени потертом кожаном переплете, — опоздал ты, Митрофан, со своей макулатурой. План кампании мы только что приняли.

— Лукавишь, боярин, — строго погрозил Никодиму Митроха тощим узловатым пальцем. —

Али боишься, что лучшее враг хорошему?

Оставив Никодима со сведенными к переносице глазами размышлять над афоризмом фельдмаршала Блицкригера, бывший истопник проворно навел порядок на поле бумажного боя, раскатал и прижал по углам книжками карты, расправил схемы, развернул таблицы, извлек из-за пояса засунутую в пустые ножны указку и солидно откашлялся в кулак.

— Начать я хочу с того, царь-батюшка и господа думные бояре, что видел я план вот этого вот... — он прервал речь, чтобы коротко кивнуть в сторону наливающегося пунцовой краской Никодима, — боярина... и признаю его хорошим...

Недоуменное бормотание пронеслось по рядам собравшихся.

— ...если бы не несколько ма-ахоньких шероховатостей.

— И каких же? — стрельнув на поражение глазами сквозь прищуренные веки-бойницы, с подозрением поинтересовался Демьян.

— Махоньких, говорю же, — с доброй укоризной, как терпеливый учитель на невнимательного школяра, глянул на него Митроха. — Вот, к примеру. Граница с Сабрумайским княжеством проходит у нас по Бабушкиному лесу. Лес их, а поля уже наши. Боярин Никодим и иже с ним предлагают встретить

костеево войско в чистом поле лоб в лоб, и говорят, что один лукоморский ратник пятерых костеевых стоит.

— А ты что ж, Митрофан, в нашего лукоморского солдата не веришь? — испытующе прищурился боярин Никифор. — Что он любого врага побьет?

— А я вот тебе, боярин, встречный вопрос задам, — продирижировал указательным пальцем перед носом обиженного боярина Граненыч. — Ты у нас фигурой не слабый, ведь так?

— Да уж не обойден, — не догадываясь, к чему клонит оппонент, уклончиво, но гордо ответил тот.

— Так вот, ежели на тебя сейчас пятеро амбалов навалятся, таких же, как ты, сбоку, сзади, со всех сторон одновременно, побьешь ты их?

— Н-ну... — неуверенно замычал Никодим.

— А ежели в их пользу еще колдун пошепчет?

— Н-ну-у-у... — мычание сошло на нет.

— А ведь я в тебя верил, — разочарованно вздохнул и поджал губы Митроха и шутовски подмигнул царю.

— Да я костями лягу!.. — поняв, к чему идет дело, взвился Никодим, но Граненыч оперся о столешницу обеими руками и подался ему навстречу.

— А какая нам будет польза с твоих костей,

боярин, ежели враг по ним к беззащитным землям да к столице вприскок пойдет, а?

Никодим, красный и злой от бессилия, прорычал что-то нечленораздельное и бухнулся на свое место между посрамленными оптом союзниками.

— А погоди, Митрофан Гаврилыч, — непонимающе захлопал глазами царь. — Ты ж только что сам сказал, что план Никодима Ивановича хорош. Так чем же?..

— Нарисован шибко красиво, — проникновенно качнул головой Граненыч.

Никодим зашипел, словно кружка масла, выплеснутая на раскаленную сковородку.

— Ну а твой план кампании в чем заключается, князь? — с любопытством подпер подбородок кулаком Симеон и приготовился слушать.

— И если тебе колдун пошепчет, ты что делать будешь? — не преминул ехидно поинтересоваться боярин Евсей.

Граненыч взял наизготовку длинную деревянную указку, выстроганную специально для такой okazji этой ночью в перерывах между разработкой плана обороны Лукоморья и нанесением его — впервые в жизни! — не на слой пыли на столе, а на настоящую бумагу, аж по десять копеек за рулон! — и лицо его приняло

торжественно-серьезное выражение.

— Дионисий, выходи к людям, — махнул он свободной рукой, и из стены со стороны книжного шкафа выступил под пораженные ахи и охи высокородных невысокий человечек в диковинном платье, берете со страусовым пером и огромных, на пол-лица, очках.

Скрывающих разноцветные чернильные полосы на щеках.

— Вот, разрешите представить, — Граненыч степенно указал рукой на прибывшего таким удивительным способом соавтора своего плана, — Дионисий, хозяин дворцовой библиотеки. Он будет отвечать за взаимодействие с древним народом Лукоморья.

Все, включая царя, непонимающе уставились на него.

— Лешими, водяными, домовыми, — как нечто само собой разумеющееся пояснил Митроха, и аудитория смогла только сморгнуть.

А в это время библиотечный снял берет и с достоинством раскланялся.

— Польщен столь высокой честью — присутствовать и вещать в благородном обществе харизматичных представителей самых древних родов Лукоморья, столпов нашей государственности, опор благополучия страны и ее процветания, на коих зиждется связь времен и

преемственность поколений, — обратился он к боярам, закончив поклон, и харизматичные опоры и столпы онемели от присутствия в своем благородном обществе существа, которое могло без запинки выговорить такие слова, ни разу не заглянув в спасительную бумажку.

Пока бояре, менее привычные к манере общения маленького библиотечного, приходили в себя, царь подтянул к себе одну из карт, ту, что была побольше и изображала план Лукоморска и ближайших окрестностей — и углубился в ее изучение.

До обкома долетали только разрозненные междометия и комментарии.

— Хм... Хм... Ха... Ишь ты, как придумал... Хм... И тут так... Угу... Угу... Ага... Не-ет, а тут купцы не согласятся... хотя кто их будет спрашивать?.. Хитро, хитро-о...

Рассмотрев всю карту вдоль и поперек несколько раз, Симеон поднял сосредоточенный взгляд на собравшихся родовитых, нашел в череде бородатых лиц нужное ему, прищурился задумчиво и обратился:

— А скажи мне, боярин Демьян... Помнишь, мы тебе поручали полгода назад Сабрумайскую дорогу вымостить?

— Помню, царь-батюшка, как не помнить, — с готовностью вскочил с места Демьян и

поклонился царю.

— И что — вымостили твои молодцы ее, али нет?

— Вымостили, царь-батюшка, вымостили.

— Всю вымостили?

— Всю вымостили, всю.

Царь досадливо поморщился.

— Так вот не надо было всю-то мостить!

Боярин хитро ухмыльнулся.

— А мы и не всю вымостили.

— Так вообще не надо было мостить!..

Вид у Демьяна был такой, как будто он выиграл в лото мешок трюфелей.

— А мы и не мостили!

Дождавшись, пока аудитория снова будет в состоянии адекватно воспринимать человеческую речь, Симеон строго постучал карандашом о кубок на своем конце стола, и в зал совещаний нехотя вернулась тишина.

— А теперь мы с Дионисием изложим вам свою диспозицию... — сухо, по-деловому проговорил князь Граненыч, разворачивая все карты на столе.

Стук в дверь личных палат новоявленного князя, которые были отведены ему во дворце, чтобы он на время Костейской кампании всегда был под рукой у главнокомандующего, оторвал его от вычерчивания схемы линий обороны города.

— Заходите, не заперто! — громко буркнул он и снова уткнулся было в карту: ему предстояло решить очень важный вопрос распределения регулярного войска и ополчения по стенам в соответствии со степенью вероятности штурма этого направления.

Пока получалось не очень: направлений и степеней было гораздо больше, чем солдат и ополченцев, и поэтому Митроха был далеко не в самом лучшем из своих настроений.

— Э-э... кум? — не дождавшись более знаков внимания от хозяина палат, нерешительно топтался у порога вошедший. — Не сильно помешаю?

— А-а... Твое полковничество... — улыбнулся Граненыч и оторвался от работы. — Ну, проходи, коль пришел. Сказывай, что опять случилось. Семиручко мечи без подписи царя не выдает? Дружинники стрельбище для твоих орлов освобождать не хотят? Или обеды опять холодными привозят?

— Да нет, кум... светлый князь, то есть...

— Ты еще поклониться забыл, — сурово нахмурился Митроха, но, увидев, что бывший шорник принял его шутку за чистую монету, поспешно вскочил: — Ты чего, Данила, совсем в этом дворце с ума спятил?! Ручку еще почеломкай!.. И ты мне это «сиятельство» да «светлость» брось, коли поругаться со мной не

хочешь! Мало того, что лакеи со своей опекой пристают — скоро ложку сам до рта донести не смогу без них — так еще ты туда же!..

— Дак это... звиняй, Митрофан... С этими атикетами тут и вправду мозга за мозгу у нормального человека зайдет... Это ведь тебе не по нашей Соловьевке в лаптях на босу ногу рассекать: тут же князей как грязей, да графьев — как воробьев! И все на тебя косятся, как на врага народа, ежели не по положенному с ними обойдешься... Эх, жил шорником — не тужил, а тут на тебе — под старость лет в благородные попал... Со свиным-то рылом...

— Не обращай внимания, — сердито отмахнулся Митроха, не понаслышке знакомый с Данилиными трудностями. — Они сами по себе, а ты — сам с усам, и твое рыло ихних ничем не хуже. Делай свое дело, и всё тут.

— Да ты не подумай, кум, я ведь не жалиться к тебе пришел, — спохватился смущенный Данила и стал вытаскивать из-за пазухи сложенный вчетверо потрепанный, местами прожженный лист самой дешевой бумаги, какую только можно было купить в Лукоморске. — Я ведь по делу.

— Ну так к столу иди, раз по делу, — и Граненыч с грохотом пододвинул к почти не видному из-под бумаг и карт столу тяжелый дубовый стул с вырезанным на изогнутой спинке

государственным гербом.⁶

— Да стол-то мне и не надо... вроде... или как?.. ай, ладно, — махнул дрожащею рукой заробевший вдруг перед родственником шорник и хлопнулся на предложенный стул — словно с крыши головой вниз бросился. — Вот, гляди, Митрофан...

Он расправил свою бумажку поверх государственных документов секретной важности, и она на поверку оказалась корявым подобием чертежа то ли улья, то ли вертолета, то ли велосипедного насоса.

— Это чего у тебя такое? — озадаченно нахмурился Граненыч.

— Это не у меня, это зять мой Семен-кузнец придумал сотоварищи. А называется сие явление... называется... — Данила подслеповато прищурился, разбирая неровные буквы, выведенные рукой, больше привыкшей к молоту, нежели к перу.

— Называется оно «Паровой самострел каменными ли, железными ли ядрами на изрядное расстояние с большой разрушительно-поражающей силой, пробивающей бревенчатую стену наскрозь

⁶ Государственный герб на спинке этого стула рассеянно вырезал перочинным ножиком вчера вечером сам Граненыч, пока размышлял о стратегическом.

на едреную феню ко всем... ко всем... то есть, в... э-э-э...».

Шорник замялся, сдавлено кашлянул в кулак пару раз, и поднял полный мольбы взгляд на кума:

— Дальше три строчки техничных терминов... и совсем неразборчиво...

— Бревенчатую стену?.. — только и смог задать вопрос князь перед лицом настолько полного описания изобретения.

— Ага, — слегка расслабился и довольно кивнул Данила. — Когда он с дружками своими эту оружию испытывал, она у них кузню наскрозь прострелила — там теперь у них окно. В полуметре от земли. Хорошо хоть, что пустошь рядом — снаряд железный в нее зарылся аж на метру. А ежели бы изба чья была по соседству... Греха не обрались бы.

— Прямо-таки насквозь? — недоверчиво прищурился и вытянул шею князь, разглядывая чумазую бумажку с новым уважением.

— Наскрозь, — лихо рубанул ребром ладони воздух кум, — сам видел. То есть, просто на... то есть, ко всем... в смысле, в... э-э-э... ну, ты понял.

— Ну-ка, ну-ка, — загорелись глаза у Митрохи. — давай-ка поподробнее. Что оно из себя такое? Что-то на чертежике на твоём он какой-то странный...

— Самострел вот обычный знаешь? — с

азартом принялся объяснять Данила.

— Знаю, — уверенно кивнул Граненыч.

Не далее как полчаса назад он отдал распоряжение о ремонте старых пяти машин, напоминающих арбалет на колесах и стреляющих заостренными бревнами, и сооружении трех десятков новых машин, десять из них калибра более трехсот пятидесяти миллиметров, и все это в недельный срок. И сейчас уголком мозга, не занятого распределением гарнизона, раздумывал, не перестать ли делать у бревен-снарядов заостренные концы: сдавалось ему, что от бревна, жизнерадостно прыгающего по стану врага, пользы (то есть, вреда) будет больше, чем от такого же бревна, но угрюмо воткнувшегося в землю на месте приземления.⁷

— Ну так он на обычный самострел совсем не похож, — заговорщицки оглянулся и понизил голос бывший шорник. — Семен говорит, что такого еще никто никогда до них не придумывал, что они с парнями первые. И что для обороны города его оружия — как ложка к обеду. Короче, приходил бы

⁷ Граненыч не мог знать, что его изобретение через сто лет будет запрещено к применению специальным эдиктом международной конвенции как противоречащее идеям гуманизма осаждающей стороны.

ты сам, кум, сегодня, да посмотрел бы: ежели он тебе глянется, то к подходу Костеевой армии таких несколько штук понаделать бы можно было, и милого друга-то с оркестром встретить. А? Как ты?

— Приеду, — не раздумывая, пообещал Митроха. — Сейчас они у тебя чем занимаются?

— У себя в кузне ковыряются с железяками, наверное, чем же еще, — пожал плечами Гвоздев. — Поди, еще какой подвох костяному царю затевают. У них на это дело голова двадцать четыре часа в сутки хорошо работает, так пусть теперь лучше супостат от них пострадает, чем соседи.

— Ну так давай прямо сейчас к ним и заявимся, пока светло, — отложил карты в долгий ящик и убрал его в шкаф руководитель обороны Лукоморска.

— А давай!.. — тюкнул кулаком по столу его кум.

— Эй, Сашка! — гаркнул удивительным для такой тщедушной фигуры басом Граненыч, вызывая лакея. — Дежурную карету прикажи подать к главному входу через пятнадцать минут — мы в город на испытания, и заодно как продвигаются земляные работы поглядим! Засветло обратно не ждите!..

Кузница зятя полковника Гвоздева располагалась на самой окраине Соловьевской

слободы, более известной среди лукоморцев как Соловьевка, что между Соколовкой и Воробьевкой. Испокон веков селились в ней мастера по железу, меди, олову и прочим не слишком благородным, но жизненно необходимым, как и ее обитатели, металлам и сплавам.

Семен Соловьев был потомственный кузнец в неизвестно каком колене, десятый и последний сын в семье. Если бы его предки бросили ковать и взяли на себя непосильный труд записать свою родословную, то Яриковичи, Синеусовичи и Труворовичи — три самых древних боярских рода Лукоморья, ведущие счисление срока своей службы государству от легендарных братьев-основателей Лукоморска — рядом с ними показались бы Иванами, не помнящими родства.

В детстве Сёмка сотоварищи — с сыновьями таких же мастеровых, как его отец и дядья, и по совместительству однофамильцами, как почти все жители Соловьевки — в свободное от учебы в кузне и в воскресной школе⁸ время умудрялись творить соседям этакие каверзы, что их компанию

⁸ Школы, посещаемой учениками по воскресеньям, потому что в другие дни недели они работали, и пустяками, вроде изучения логарифмов или доказательств теорем, заниматься было некогда.

иначе, как соловьи-разбойники, и не называли. Попавший в зону особого внимания озорников люд каждый день, как на работу, ходил жаловаться к родителям верховода — здоровяка Сёмки. Тому, естественно, влетало, но обычно как влетало, так и вылетало, и через день все повторялось сызнова. Когда Сёмке Соловьеву исполнилось, наконец, шестнадцать, и его энергия мощным нескончаемым потоком устремилась в другое русло,⁹ вся слобода от счастья беспробудно пила неделю. Теперь же Семен был человеком солидным, женатым, со своей кузней, полной коллег и подмастерьев, но слободские нет-нет да и припомнят полноценному члену общества его боевое прошлое.

Некоторые даже со смехом.¹⁰

Таков был изобретатель парового самострела высокой поражающей силы, на порог мастерской которого сейчас ступили его тесть Данила и князь

⁹ Один из бездетных дядьев отписал ему свою кузню, и теперь Сёмке была предоставлена полная возможность показать всем, что он способен не только механические трещотки в дымоходы соседям подвешивать, да заводных лягушек бабам в сметану бросать.

¹⁰ В основном те, до которых не достали длинные руки малолетнего изобретателя-рецидивиста.

Граненыч.

В полумраке кузницы, освещаемой лишь засыпающими углями в трех горнах да тройкой окон,¹¹ пятеро чумазных парней оторвались от работы и недовольно глянули на вошедших.

— Некогда нам сейчас, приходите завтра, — сердито бросил самый здоровый из них, щурясь на яркий дневной свет и прикрывая глаза замотанной грязной тряпкой рукой.

— Это я, Семен, — отозвался полковник. — Привел кума Митрофана вашу оружию посмотреть.

— Правда?!.. — мгновенно расцвел говорящий и резко выпрямился, растирая двухпудовым кулаком затекшую поясницу. — Проходите, Митрофан Гра... Гаврилыч, то есть, знакомьтесь: это мои товарищи Степка Соловьев, Петруха Соловьев, Серега Соловьев и Андрейка Соловьев, фамилии, глядите, не перепутайте. Данила Прохорыч вам нашу докуменцию уже показывал?

— Докуменцию показывал, — степенно кивнул Митроха. — Теперь вы свой самострел живьем покажите. Это от него дыра, кстати? — он кивнул в сторону зияющего отверстия на месте

¹¹ Два пошире — в дальней стене на уровне человеческой груди и одно поуже — рядом с дверью, на уровне коленок.

выбитого бревна в стене у двери.

— От него, сердешного, — гордо заулыбались кузнецы. — Это мы давление передавили, не рассчитали маленько. Вот умора была-то!..

— Не сомневаюсь, — ухмыльнулся Граненыч и, заложив руки за спину, неторопливо прошелся по сееновой кузнице.

Между двух старых окон стоял неказистый, но ровный стол, над которым висела многоэтажная полка, забитая вперемешку берестяными грамотами и листами дешевой бумаги, исчерченные и исписанные корявым кузнецким почерком.

— А тут у тебя что за художества? — Граненыч с любопытством вытянул из кипы один лист бересты и принялся разглядывать изображение телеги с одним колесом овальной формы.

— Это-то?.. — Семен заглянул через плечо гостя и протянул: — А-а... Это... Это тоже докуменция наша. До чего докумекали, то есть. Тут, к примеру, мы сочинили, как сделать телегу, которая в грязи бы не застревала.

— Это как? — непонимающе нахмурился Митроха.

— Надо на оба колеса такую дорожку надеть широкую, — пристроился с другого бока с пояснениями Петруха, — она вязнуть и перестанет. Ну и колеса, ясен пень, другой формы для нее нужны будут. Только мы еще такую не делали — не

до того как-то.

— Хитро-о, — уважительно показал головой Граненыч и поднял с пола еще один лист — уже бумажный. — Ну а это что?

— Это... — подтянулись и остальные мастера, позабыв на время про самострел. — Это мы думали, как передвижную катапульту сделать, чтоб она по полю боя могла туда-сюда кататься и врага разить.

— И как?

— А вот смотрите, Митрофан Гра...врилыч... Лошадь-тяжеловоз, или две, ставится сзади в особой упряжи и не тянет, а толкает катапульту на колесах, — ткнул черным от грязи пальцем, оставляя очередной отпечаток на и без того чумазом листке Степка.

— Вокруг них всех крепится ограждение из досок, обитых кольчугой с пластинами — защита от стрел и копий, — гордо подхватил Серега.

— Всё — тоже на колесах, — не преминул указать Андрейка.

— А вот это — маленькая колесничка для коногона, — продолжил Степка. — А тут, стало быть, площадка для стрелков...

— А вдоль стен — карманы с припасами, — гордо закончил рассказ Андрейка.

— А стреляет она у вас чем? — после недолгого молчания спохватился Граненыч и задал самый главный вопрос впечатленный и уже

начинающий прикидывать, при каких видах боевых действий такое чудо современной техники можно применить.

Перед его мысленным взором промелькнула бесконечная череда древних стратегов и тактиков, с зелеными, перекошенными от зависти физиономиями и ключьями вырванных волос в судорожно сведенных кулаках...

— Стрелять она может хоть чем, чего зарядишь, того и выстрелит, но мы-то хотим помозговать с горючей смесью... — смущенно потупился Семен.

— Но пока получается пень через плетень, — вздохнул Андрейка. — У меня сарайку уже пожгли, у Степки — кладовку подпалили, едва землей закидали... Его мать нас чуть в той земле не зарыла, как узнала, что у ней там три штуки сукна сгорели, шерсти мешок и прялка новая...

— Да... тут щепетильная работа нужна... — озабоченно кивнул Серега.

— А еще?.. — не веря своему счастью, затаив дыхание, чтобы не сглазить, как бы походя, поинтересовался главком обкома. — Еще у вас таких... придумок... есть?..

— Да вон вся полка именами забита, — махнул рукой Петруха.

— И у меня в дровянике, в старом коробе, целый ворох лежит, — припомнил Семен. — Если

мамка на растопку не извела.

— Как — извела?.. — голос Митрохи дрогнул.

— Да не-е... лежит еще, поди... я его под стропила упрятал, — поспешил успокоить высокого гостя кузнец.

— Ну смотри, ежели припрятал... Это хорошо... что ворох... — помял пальцами небритый подбородок Граненыч, и глаза его при этом горели не хуже своенравной смеси друзей-изобретателей. — Значит, давайте договоримся, мужики: как вы еще чего для армии сочините, так сразу ко мне, сами, лично, со своей... докуменцией... Лады?

— Как ведь скажете, дядя Митрофан, — довольно ухмыляясь, ударили по рукам хозяин кузницы и князь. — Нам ведь только надёжу подай — мы вам такого насочиняем, такого сотворим!..

— Уж это-то вы можете, — снова припоминая не такое уж далекое прошлое, хмыкнул позабытый на время Данила. — Вы сначала с этой оружейей разберитесь, орлы.

— А вот сейчас и разберемся! — заулыбались и кузнецы.

— Айда, мужики, тащи самострел на улицу! — радостно скомандовал Семен, и четыре мастера, кряхтя, оторвали от пола толстенное бревно и поволокли на свет Божий.

Сам Данилин зять сгреб с верстака кучу

каких-то деревяшек, прихватил из корзины несколько мячиков, на поверку оказавшихся железными ядрами, зачерпнул из горна совком кучу углей и присоединился к друзьям, уже поджидавших его под навесом в обществе князя, полковника и уложенного на козлы и коварно притворяющегося простым бревном парового самострела.

— Говори ты, Сёмка, — переглянулись и устремили взгляды на хозяина кузни парни.

— Ну, я так я, — пожал необъятными плечами тот и начал презентацию.

Если бы его попросили сказать речь или рассказать что-нибудь интересное,¹² он бы долго и мучительно стоял и мялся, экал и мэкал, пока слушатели не пожалели бы его и не прогнали гнилыми помидорами. Но сейчас дело касалось его любимого детища, его нового изобретения, сделанного специально для защиты родного города, и простые, сложные и вовсе головоломные слова лились из кузнеца полноводной рекой, как песня из его лесного тезки — соловья.

Идея, в общем, была проста, как все гениальное: бралось бревно диаметром в полметра и длиной метра в два, оковывалось железными

¹² Не связанное с металлообработкой.

обручами — для крепости, как пояснил Семен — и вдоль ствола по центру просверливалось сужающееся к дальнему концу бревна сквозное отверстие. Далее на этот конец насаживался и плотно закреплялся огромный толстостенный кособокий железный котел особой конструкции, куда заливалась вода. Потом в ствол до упора проталкивалось ядро, фиксировалось длинным брусом, который, в свою очередь, упирался в поперечный стопорный брусок, прибивающийся к спилу. После чего под железной частью разводился большой костер.

— А дальше что? — вопрошающе качнул головой Митроха в сторону самострела.

— А дальше стоим и ждем, значит, — развел руками Семен и лукаво подмигнул друзьям.

Ждать пришлось недолго: через несколько минут вода в котле забулькала, закипела, забурлила, раздался грохот, длинный брус вылетел из отверстия, разбив пополам тонкий стопорный брусок, и мимо так и не успевшей ничего понять приемной комиссии в мгновение ока просвистело нечто...

Изба на противоположном краю пустыря — метрах в ста от паровой оружий — содрогнулась от удара чего-то незримого, но свирепого, подпрыгнула всеми своими престарелыми бревнышками, и с крыши, как сходящий по весне

снежный пласт, на землю съехала вся солома вместе с трубой и стропилами.

Кузнецы зажмурились, закрыли головы руками, присели...

На долгие секунды в округе воцарилась звенящая тишина, разорванная на счет «пять» протяжным исступленным воплем хозяев пострадавшей во имя оборонной промышленности избы: «СОЛОВЬЕВЫ!!!».

Земляные работы, хоть и продвигавшиеся успешно, в тот день удостоились лишь беглого взгляда руководителя обороны Лукоморска. Все его внимание было приковано к новому оружию возмездия, названному увеличившимся от гордости на три размера Семеном в честь жены «Аленушкой».

Для более пристрастных полевых испытаний и во избежание преждевременного массового поражения мирных граждан, и без того уже жаждающих Семеновой крови или Семеновых денег,¹³ «Аленушка» была погружена в карету Митрохи и вывезена на равнину перед Вондерландскими воротами вместе с недельным

¹³ Получили твердое обещание направить крышу сразу, как вернутся и успокоились. Соловьи-разбойники свои обещания на ветер не бросали.

запасом дров, бочкой воды, кóзлами и тремя ведрами ядер.

Семеро энтузиастов увлеченно экспериментировали с объемом жидкого топлива, как гордо предложил именовать воду Андрейка, толщиной упорного бруса и интенсивностью сгорания топлива органического (известного в простом народе как дрова), замеряя дальность полета ядер и толщину пробиваемых ими препятствий, пока подгоревшая задняя ножка хронически перегруженных козел без предупреждения не подломилась, и шальное ядро не улетело на дорогу и не зарылось с зловещим свистом перед парой лошадей, тянувших тяжелую карету с вычурным гербом на дверцах.

Кони взвизгнули, попятились и встали на дыбы, одетые с иголки лакеи свалились с запяток в пыль, местами переходящую в грязь,¹⁴ и самоотверженному кучеру стоило большого труда и вывихнутой руки убедить своих подопечных, что опасность миновала.

¹⁴ Лукоморские дороги, подобно абстрактному, изучаемому в школах знахарей веществу, имели свои три состояния: «пыльно», «грязно» и «снежные заносы». На данный момент наблюдался безрадостный феномен их перехода из одного состояния в другое.

То, что это оказалась карета боярина Никодима, сердечности в отношении двух аристократов отнюдь не прибавило.

Обвинив Граненыча в самой злонамеренной попытке убрать конкурента с дороги,¹⁵ боярин яростно оттолкнул лакея, истекающего грязью из последней, после ливня недельной давности, лужи и вернулся в свою карету, выкрикивая что-то невразумительное, но чрезвычайно сердитое. С размаху бухнувшись на сиденье — только рессоры заскрипели — он хлопнул дверцей так, что она сорвалась с петель,¹⁶ а пара вороных, едва оправившихся от пережитого шока, без дополнительной стимуляции рванула с места вскачь. За ней галопом помчались лакеи.

Туда, где секунду назад еще стояло фамильное транспортное средство Труворовичей, попирая все теории вероятности, упало еще одно ядро, после чего огромный котел разорвало.

Испытателей отбросило в сухую траву и

¹⁵ В каком смысле — кипящий и готовый сам стрелять ядрами на двести метров Никодим не уточнил.

¹⁶ Всю оставшуюся дорогу до своих палат разъяренному князю Никодиму пришлось держать ее обеими руками за ручку, чтобы она оставалась на месте.

осыпало каплями кипятка и искореженными останками казенной части паровой оружий.

— С завтрашнего дня заказываем для обороны Лукоморска десять... нет, двадцать штук! — было первым, что произнес восхищенный Граненыч после того, как друзья-изобретатели разыскали его в кустах сирени и извлекли на белый, хоть и быстро сереющий, свет. — Вот ты какое — оружие будущего!..

* * *

Отъехав ¹⁷ на несколько километров от заповедной зоны горячих источников, отряд по сигналу Иванушки остановился.

— Что случилось? Забыли что? — страдальчески скривился специалист по волшебным наукам, сползая на твердую сухую землю со своего непарнокопытного орудия пытки и опускаясь рядом с ним безвольной жалкой кучей. — Только не говори, что нам надо вернуться... Я этого не переживу... Я же говорил... Близок мой смертный час... Да, на моей совести много прегрешений, но среди них нет ни одного настолько отвратительного, что оправдывало бы такой

¹⁷ В случае умрунов — отбежав.

изуверский способ свести со мной счеты... Куда мы теперь двинемся? В Узамбар?.. В Вамаяси?.. В Нень Чупецкую?..

— Нет-нет, Агафон, ты что... Всё не так плохо...

— А как?..

— ...Просто нам надо определиться, куда мы сейчас направимся, — ответил Иван и задумчиво сдвинул брови. — Я тут думал-думал...

— А разве мы едем не в Лукоморье? — вопросительно взглянул на него снизу вверх Агафон, и пронзительное страдание запечатлело свой безобразный след на его и без того не безмятежном челе. — Царевна ведь сбежала, если верить демону? И если у нее есть хоть капля мозгов, то побежала она домой, так? Значит, наша главная теперь забота — встретиться с ней до того, как Костей осадит вашу столицу, как сказал Конро?.. Так какие сомнения по поводу маршрута, Иван?

— Так-то оно так, но только, если я правильно помню карту, это — Голодная степь, — обвел для наглядности широким жестом окружающий пейзаж¹⁸ царевич. — На севере у нас леса южной окраины царства Костей. Непроходимые, если я

¹⁸ Вернее, его однообразное отсутствие.

ничего не путаю. Мы их по географии в прошлом году проходили...

— Как же вы их проходили, если они непроходимые? — брюзгливо брякнул измученный и посему раздраженный всем на свете чародей и тут же получил от деда Зимаря укоряющий взгляд слезящихся красных глаз и неодобрительный чих.

— Шутник... — покачал головой он, и маг с видом «это не я, это кто-то другой» воздел очи горе и автоматически, в сотый раз за утро, пробормотал: «Будь здоров».

Иван, слишком погруженный в свои привычно невеселые мысли, пропустил вопрос самозваного юмориста мимо ушей, поддержал его в пожелании здоровья старику и озабоченно продолжал:

— ...Поэтому мы или должны найти проводника, или нам придется огибать этот лес, и мы потеряем Бог знает сколько времени.

— А далеко ли еще до леса, Иван-царевич? — прогудел в нос дед Зимарь.

— Может, день пути, может, меньше, — неуверенно предположил лукоморец. — Даже и не знаю... Мы тогда на Масдае, когда от дождя убегали, наверное, полстепи вихрем пролетели и не заметили, только ветер в ушах свистел, ну я немного и сбился...

И тут вдруг жизнь вернулась в глаза Агафона, румянец — на щеки, а радостная улыбка — на

изможденное тремя часами в седле лицо.

— Только что сию минуту меня посетила гениальная мысль, — торжественно и загадочно объявил он во всеуслышание и сделал театральную паузу, привлекая внимание даже молчаливой охраны царевича.

Дождавшись от Иванушки нетерпеливого вопроса касательно предмета его нехарактерного озарения, он гордо обвел всех взглядом и сообщил:

— Я предлагаю, когда мы доберемся до этого вашего леса, развести огонь и высушить ковер.

— Но Масдай промок почти насквозь, и чтобы его полностью просушить, потребуется... — с сомнением начал было Иван, но чародей, отменяя все возражения на корню, из последних сил приподнялся над уровнем ковыля, вскинул к нему дрожащие от многочасового стискивания луки седла руки ¹⁹ — зрелище, способное выдавить слезу и не у такой чувствительной натуры, как Иван — и, возвысив голос, продолжал:

— И пусть мы потеряем даже день или два, но если мы будем пробираться сквозь чащу на этих чудовищах, — он с лютой неприязнью кивнул на

¹⁹ Ни у Иванушки, ни у деда Зимаря не нашлось достаточно доводов, чтобы убедить несчастного мага, что лука седла предназначена не для этого.

любезно предоставленных мурзой коней,²⁰ — да еще и заблудимся, то можем вообще остаться там зимовать!

— Хм... — почесал в затылке Иван и покачал головой: — А ведь это и впрямь хорошая идея, Агафон! Ну же, давай, забирайся в седло, прибавим ходу: надо торопиться!

Из груди специалиста по волшебным наукам вырвался полный невыносимой муки стон.

— Дело говоришь, чародей, — дед Зимарь одобрительно закивал головой и тут же с хрипом закашлялся.

— Дедушка, а вы как себя чувствуете? — тревожно нахмурился царевич.

— В смысле, плохо или очень плохо? — попытался пошутить старик. — До леса продержусь, не помру, не волнуйся, милый. А там, пока Масдая сушим, глядишь, отлежусь потихоньку, да травку какую поищу, корешок али кору — глядишь, улучшает...

Иван вздохнул, недоверчиво покачал головой, но не сказал ничего.

Других вариантов пока просто не было.

Кра я леса — частого, но прозрачного подлеска, уже потерявшего свою листву — они

²⁰ Кони ответили ему тем же.

достигли только вечером, когда почти полностью стемнело, и если бы четверо умрунов внезапным спринтерским рывком не обогнали коней и не схватили их под уздцы, то вся кавалькада наломала бы немало дров.

Дрова на костер, тем не менее, рубить все равно пришлось, но отряд из пятнадцати мощных бойцов справился с этим заданием играючи, и через десять минут на краю леса было навалено столько топливного материала, что с лихвой хватило бы на две ночи, и даже с половиною.

Иван зажег огонь, в который раз вспоминая добрым словом супружницу, научившую его этому нехитрому трюку во время их летнего турне по Забугорью, скользнул взглядом по рядам своих спутников (исключая умрунов, как лиц полностью не заинтересованных) и пришел к довольно предсказуемому выводу, что ужин сегодня готовить придется тоже ему.

Дед Зимарь уже лежал у костра, накрывшись Масдаем, мелко дрожал и тихонько покашливал, а Агафон... Агафон в этот раз даже не сполз — стек со своего кривоногого иноходца сразу же, как только стальная рука умруна остановила удивленного конягу. И теперь специалист по волшебным наукам лежал на траве, едва прикрытой опавшими листьями, и горестно, с надрывом, стонал, проклиная тот день и час, когда на белый

свет появился этот конь, это седло, эта степь, дождь, который промочил Масдая, и, наконец, он сам.

Ужин — так ужин...

Царевич порезал хлеб, эстетично разложил на тряпице вяленую конину и конский сыр, выудил из другого заплечного мешка подозрительно хлюпающий, мягкий и истекающий красным мешочек поменьше, осторожно заглянул в него, пришел к выводу, что помидоры, конечно, лучше бы выбросить, но тогда вся их трапеза застрянет поперек горла, и томатам с подмоченной репутацией по этому случаю вышла амнистия.

Закончив приготовления, Иванушка позвал к столу деда, Агафона и, на всякий случай, умрунов, но, к своему удивлению, хоть и не слишком великому, от всех приглашенных получил отказ. Дед Зимарь чувствовал себя совсем неважно и хотел посидеть, а лучше полежать просто так, грея руки у огня; маг агонизировал, и есть ему было некогда, а умрунам еда была просто не нужна, хотя, по настоянию Ивана, они и расположились вокруг костра.

Слегка разочарованный всё же лукоморец пожевал в одиночестве хлеба с сыром, умудрился отгрызть уголок размером с березовый листик от

своего куска конины, ²¹ из соображений гуманности через не могу доел все шесть раздавленных помидоров, запил всё водой из фляги и вдруг пришел к выводу, что если через минуту он не уснет, то через полторы минуты непременно умрет.

Но оставалось сделать еще кое-что.

Вернее, сказать.

— Извините, я должен был сказать это сразу, но как-то не до того было... — проговорил он, обводя взглядом лица своих немногословных стражей, останавливаясь хоть на мгновение на каждом. — Я хочу сказать вам спасибо за то, что вы остановили вовремя наших коней.

Умруны недоуменно нахмурились и переглянулись.

— Не... за... что?.. — неуверенно проговорил в ответ один из них, словно вспоминая сложный, полузабытый урок иностранного языка. И тут же добавил: — Ваше превосходительство.

— Да как это — «не за что»? — удивился Иван, запахивая поплотнее бурку и непроизвольно ежась — то ли от ночного холода, то ли от перешедшего в финальную стадию наступления сна. — Если бы не вы, кони могли поломать

²¹ На большее не хватило ни сил, ни терпения, ни зубов.

деревья и пораниться, и мы тоже... А еще мы не поблагодарили вас за ваше весьма своевременное появление в стане кочевников. Вы спасли всем нам жизнь. Конечно, это звучит чересчур высокопарно... Но это ведь правда! И мы все вам очень благодарны. И я, и дед Зимарь, и... — он искал глазами, но не нашел вокруг ничего агафоноподобного, но беспокоиться не стал, так как услышал мученический голос, жалобно обращающийся к быстро темнеющим небесам, откуда-то из-за спины старика, с самой земли. — И наш волшебник тоже присоединяется... я уверен... Спасибо вам.

Умруны молчали, сидя неподвижно и глядя на пламя, и лишь шустрые отблески костра метались по их непроницаемым лицам.

Иванушка смутился, подумал, что он что-нибудь не так сказал или обидел их ненароком — кто знает, что может обидеть живых мертвецов, если вообще есть на Белом Свете такая вещь, и, чтобы скрыть неловкость, поспешно проговорил:

— Я видел, в бою с кочевниками вы были ранены... У одного из вас даже... кинжал... — он изобразил инструмент убийства и сам процесс протыкания замысловатым, но неопределенным жестом, пробежал глазами по черным кожаным нагрудникам умрунов, но оружия, оставленного накануне Рашидом в груди его освободителя, видно

не было.

Впрочем, как невозможно было сказать, кто, собственно, из них его избавитель — отличить одного умруна от другого было так же просто, как одну каплю воды от другой.

— Может, вам нужна помощь?.. — еще более растерянно закончил царевич. — Если вам нужны бинты... То есть у нас их, по-моему, конечно, нет, но можно что-то придумать, я уверен... Я видел, в мешке была иголка с нитками... Зелеными... Можно зашить раны... Или что вы делаете в таких случаях?..

Умрун слева повернулся к Ивану и задрал разорванный рукав куртки: под ним, от запястья до сгиба локтя, руку прочерчивал четкий, черный, словно нарисованный чернилами, тонкий шрам.

— Это — утрешний след от кинжала кочевника, — ровным голосом проговорил умрун, словно показывал не собственную часть тела, а ствол дерева. — Наши раны затягиваются сами по себе, ваше превосходительство. Остается только такая полоса. Не думайте о нас.

Иванушка поморщился, словно это его руку располосовал нож какого-нибудь Керима или Ильхама, и взглянул умруну в лицо:

— Тогда можете взять нитки, чтобы зашить одежду... Только они всё ещё зеленые...

— Будет исполнено, ваше

превосходительство, — отчеканили суровым хором умруны.

— И не называйте меня, пожалуйста, «ваше превосходительство», — покачал головой царевич. — Зовите меня просто Иваном.

— Будет исполнено, ва... Иван.

— Вот так-то лучше, — слабо улыбнулся лукоморец. — Кстати... я всё хотел вас спросить... А как вас зовут?

— «Эй, ты, иди сюда», — без промедления и гораздо более уверенно ответил другой умрун, слева от него. — И добавляют номер того, кого зовут, ва... Иван. Вот видишь: у каждого на рукаве нашит его номер.

— Нет, я не про это, — отмахнулся Иванушка. — Я спрашиваю ваши имена.

— А-а, — понимающе кивнул умрун. — Имена. Меня зовут Первый. Его — Второй. Это вот — Третий. Тот...

— Да нет же! — нетерпеливо замотал головой царевич. — Не цифры! Имена! Я спрашиваю ваши имена, понимаете?.. Вот я, к примеру, Иван. Он — Агафон. Дедушку звать Зимарь. Ковер — Масдай. А вас?

Умрун напрягся, взгляд его стал оловянным, тупым, и он пустым голосом повторил:

— Меня зовут Первый. Его — Второй. Его — Третий. Того...

— Но «Первый» — это не имя, это порядковый номер!..

Он не договорил, пристыжено замолк, вспомнив, что рассказывал ему волшебник о том, как появляются на свет умруны, и, помолчав, осторожно подбирая слова, спросил:

— Ты... не помнишь... кем ты был... до того... как стал... солдатом?..

Умрун наморщил лоб и поджал губы, честно пытаясь припомнить, но через минуту виновато взглянул на лукоморца:

— Нет... Не помню... До того, как я стал гвардейцем его величества царя Костей, не было ничего. Сержант Юркий учил нас, что имена бывают у людей. У умрунов — только номера. Умрун — никто. Он создан, чтобы служить его величеству царю Костей. Наша жизнь — его жизнь.

— Кстати, о царе, — сипло присоединился к разговору дед Зимарь. — Это он приказал вам защищать царевича Ивана?

— Никак нет, — отчеканил Первый, довольный, что ему, наконец-то, задали прямой и понятный вопрос, и удовлетворенно замолк.

Видя, что объяснения не следуют, лукоморец спросил сам:

— А кто?

— Жена его величества царя Костей ее величество царица Елена Прекрасная, Иван, — с

готовностью отрапортовал умрун.

— *Кто?!..*

Умрун повторил.

— Елена Прекрасная?.. — беспомощно переспросил Иванушка, словно всё еще надеялся, что недопонял, или умрун что-то путает. — Елена Прекрасная?.. Но... Она же... Или ее уже тоже... пока мы... то есть, я...

— С чего ты взял, что это именно она? Может, в мире есть несколько Елен с таким прозвищем? — впервые за вечер перестал стонать и высказал резонное предположение маг.

— Может... Не знаю... Но про других я никогда не слышал... — забормотал ошарашенный лукоморец. — А если нет?.. Какое дело неизвестной мне Елене Прекрасной до неизвестного ей меня? Нет, должно быть, это Васина жена! Но если Костей похитил и ее?.. Что же это тогда получается?..

— Погоди паниковать, царевич, — болезненно поморщился чародей, не то раздраженный растерянностью друга, не то измученный телом, беспрестанно вопиющим об ударе милосердия или, на худой конец, стакане яда. — Сейчас всё выясним.

И обратился к умрунам:

— Она, эта Елена, уже давно замужем за Костеем?

— Нет, она появилась в замке недавно, и официальной церемонии еще не было, — ровным голосом, не обращая внимания на терзания Ивана, отвечал умрун.

— Откуда она родом? — продолжал допрос заинтересованный Агафон, на минуту позабыв об усталости.

— Издалека. Кажется... — сдвинул он брови, вспоминая. — Кажется...

— Из Лукоморья, — подсказал умрун, которого представили как Третьего.

— Я же говорил!.. — схватился за голову Иван. — Еще и ее!..

— Да подожди ты! — махнул на него рукой маг, но уже не так уверенно. — Это она в замке отдала вам такой приказ?

— Нет, не в замке, — покачал головой Второй.

— А где? — напирал Агафон.

— Мы нашли ее в лесу. В этом лесу. Мы отнесли ее и слуг на берег большой реки и отправились искать Ивана, сына лукоморского царя, чтобы защищать его, то есть, тебя, как она нам приказала.

Друзья переглянулись, посмотрели на умрунов, потом переглянулись еще раз, пока дед Зимарь не выразил общее мнение:

— Нич-чего не понимаю...

Зная по опыту, что без наводящих вопросов не обойтись, Иван взял инициативу в опросе свидетелей на себя:

— А что она в этом лесу делала? И что там делали вы?

— Ее величество Елена Прекрасная сбежала из своей кареты, когда мы везли ее в Лукоморье, Иван. Полковник Атас, сержант Щур и сержант Юркий приказали ее поймать. Сержант Щур и его беда пошли в одну сторону, а мы — в другую. Наша беда скоро настигла их в лесу. Но вдруг полковник Атас и сержант Юркий стали смеяться, на нас опустился туман, и они пропали. Тогда командование приняла ее величество царица, как старшая по званию, и приказала разыскать тебя, защищать и подчиняться.

— А сама осталась одна в лесу? — всё еще плохо понимая, что произошло, уточнил Иванушка.

— Нет, Иван. При ней было двое слуг, и она взяла себе меч полковника Атаса, а меч сержанта Юркового отдала слуге.

— Елена Прекрасная?.. — лицо Ивана вытянулось, глаза недоуменно захлопали. — Взяла себе меч?.. Она не сказала, что собиралась с ним делать?

Если бы Первый сообщил, что у нее выросли крылья, как у стрекозы, и она улетела, он не был бы так изумлен.

— Могу я высказать свое мнение, Иван? — почтительно приподнялся со своего места умрун напротив лукоморца, дождался разрешающего кивка и продолжил: — Она очень хорошо знала, что с ним делать.

На это лукоморцу оставалось только тихо покачать головой, благоговейно дивясь загадкам бытия и сознания.

— А давайте-ка, ребяташки, лучше спать будем... — прокашлял со своего места натужно дед Зимарь и завернулся поплотнее в ковер. — Утро вечера мудренее...

— И то верно старик говорит, — поддержал его Агафон и гулко зевнул во весь рот.

— Ваше высочество должен спать, — упруго поднялся на ноги Первый, и за ним начала вставать вся беда. — А мы будем стоять на часах и следить, чтобы костер не погас.

Иван хотел уже было последовать дельным советам и в самом деле попытаться уснуть, как ему мечталось еще полчаса назад, как вдруг до него дошло, что же сейчас сказал умрун, и остатки сна унеслись в неизвестном направлении, словно подхваченные ураганом.

Только что. Во всеуслышание. Умрун. Сказал. Что он будет делать то. Что ему никто не приказывал.

— Почему? — Иванушка встал, бурка

распахнулась и упала, едва не задев полой костер, но он даже не заметил.

— Я не понял твой вопрос, Иван, — тревожно наморщил лоб умрун.

— Я спрашиваю, почему вы будете стоять на часах и следить за костром?

Умрун удивленно посмотрел на царевича.

— Потому что мы должны защищать твою жизнь, Иван.

— Но если костер погаснет, это не будет угрожать моей жизни, — резонно заметил царевич и замер в ожидании ответа.

— Люди мерзнут, когда становится слишком холодно, Иван, — серьезно проговорил Первый. — Мы не хотим, чтобы ты мерз.

Остальные умруны согласно закивали.

— Хорошо, — кивнул Иванушка.

Сердце его заколотилось, словно рвалось наружу, во рту всё пересохло, и он понял, что, несмотря на одуряющую усталость, уснет он сегодня ночью не скоро, если уснет вовсе.

— Спасибо, — сказал он. — Спасибо... В свою очередь, я бы хотел, чтобы с сегодняшнего вечера у вас снова были имена. Настоящие. Обыкновенные человеческие имена. У каждого человека должно быть свое имя, — снова повторил он, словно боялся, что беда его не понимает. — Понимаете?..

— Мы не люди, Иван, — глухо отозвался Второй. — Мы — умруны. Мы созданы, чтобы...

— Вы были рождены людьми, — упрямо мотнул головой Иван. — И останетесь ими. То, что вы теперь умруны, ничего не меняет. Если я решил, что у вас снова будут имена, значит, так оно и будет. Твое имя будет Кондратий ...

Он подходил к каждому солдату, заглядывал ему в лицо и говорил:

— Тебя будут звать Наум... тебя — Макар... тебя — Лука... тебя — Игнат...

За его спиной у костра Агафон приподнялся на локте, выгнул шею и возбужденно прошептал в прикрытую рыжей лохматой шапкой макушку деду Зимарю, лежавшему к нему головой:

— Он чокнутый, это наш лукоморский царевич... Что он делает, дурья голова? Это же умруны!.. УМРУНЫ!!! Давать имена покойникам — это всё равно, что выбивать надписи на надгробных камнях: кроме самого надписывающего это не нужно никому! Это же маразм чистой воды!..

— Дурак ты, мил человек Агафон, хоть и с высшим образованием, — прохрипел в ответ старик и покачал головой, словно дивясь такой необыкновенной несообразительности там, где ее, вроде бы, и быть не должно. — И чему вас только в школе учат...

Утром, едва царевич открыл глаза и пришел к

выводу, что то, что он спал, ему приснилось,²² к нему подошел один из умрунов и почтительно доложил по уставу:

— За ночь мы осмотрели местность, Иван. На западе, в полукилометре от лагеря, найден родник. К юго-востоку отсюда, километрах в семи с небольшим, есть дорога, которая ведет в деревню. До нее еще километров десять. В самую деревню мы не заходили и дальше не разведывали. Посторонние не проходили. Больше ничего значимого обнаружено не было. Докладил Кондратий.

Сонный мозг Иванушки машинально отметил, что Кондратий — это который с тонким шрамом над левой бровью (надо запомнить, и вовсе они не на одно лицо), и только потом осознал, что ему только что сообщили о том, что недалеко отсюда (если сравнивать с расстоянием до Лукоморья) находится человеческое жилье. Жилье, в котором есть горячая печка для просушки Масдая и, если уж совсем повезет, опытная бабка-травница или мудрый знахарь, которые смогут позаботиться о расхворавшемся деде Зимаре...

Дед.

При мысли о нем лукоморец проснулся

²² Так как человек, который спал всю ночь, не может чувствовать себя таким разбитым и не выспавшимся.

окончательно.

Дед не спал всю ночь — совсем как тогда, на чердаке домика в горах, когда им пришлось оставить больного старика на попечение хозяина и уйти навстречу ехидно ухмылявшейся — наверное, в предвкушении чего-то приятного — судьбе.²³ Иван вставал через каждые десять минут, то чтобы проверить, не сбросил ли в беспомысленстве больной мокрое полотенце со лба, то чтобы снова намочить его, то напоить старика...

Вода в обеих флягах скоро кончилась, и он попросил кого-то из умрунов, кто оказался ближе к нему на тот момент, попробовать поискать поблизости какой-нибудь родник, ручей, речку, море, океан — короче, любой источник холодной воды, годной для смачивания их полотенца — куска желтоватой грубой ткани, вышитой по краям лошадиными головами — прощальный подарок жены Керима бывшим пленникам.

Кто-то, кажется, Терентий, нашел родник и принес воду, но остальные продолжали поиски, и вот — деревня...

Деревня — это хорошо.

Иван усилием воли, которого Агафону

²³ Чего именно — ни Иван, ни Агафон, ни дед Зимарь так и не поняли, как ни старались.

хватило бы, чтобы на голой земле разжечь костер высотой с трехэтажный дом и такой же площади, открыл нараспашку мутные глаза, сфокусировал их в районе Кондратия (погрешность — плюс-минус метр) и расплывчато кивнул:

— Спасибо... Передай, пожалуйста, остальным, что мы сейчас встаем, завтракаем, собираемся и идем в деревню, которую вы нашли. Чтобы все были в сборе.

Опрос компаньонов показал, что их отношение к принятию пищи ничуть не изменилось со вчерашнего дня. У него самого даже мысль о еде вызывала тошноту.²⁴

На то, чтобы поднять специалиста по волшебным наукам, ушло как минимум сорок минут. Но если бы в ход не пошла тяжелая артиллерия в виде сообщения о близкой деревне, где наверняка есть маленькая теплая избушка с широкой кроватью, мягкой периной, выводком толстушек-подушек и уютным разноцветным одеялом, которые ждут не дождутся его, Агафона, прибытия, то поднять его смогли бы только трубы Страшного Суда, и то лишь ближе к оглашению приговора.

²⁴ Впрочем, как и все остальные мысли, кроме сладкой, манящей, обволакивающей мысли о сне.

Одного взгляда на деда Зимаря было достаточно, чтобы понять, что без носилок тут не обойтись.

С помощью умрунов с сооружением носилок они справились быстро, и после того как общими усилиями стенающий и причитающий на разные голоса чародей был водружен на ненавистного ему коня, дед погружен на носилки, а Масдай занял непривычное ему место в седле, отряд тронулся в путь.

До лесной дороги оказалось не семь, а все десять с лишком километров,²⁵ но, в конце концов, стена деревьев неожиданно расступилась просекой, и две наезженные, поросшие редкой хилой травкой колеи пригласили путников последовать за ними к долгожданной деревне, скромно укрывшейся где-то в самом сердце леса.

Проехав еще километров пять, специалист по волшебным наукам запросил привала. Сделал он это простым, но эффективным способом: так же молча, стиснув зубы, как ехал всё это время, он

²⁵ По мнению Агафона, этот лишек потянул еще километра на три, если не на пять: им, нежити, легко говорить «семь с небольшим» — они это расстояние пешком пробегали, а ему, приходится преодолевать его верхом на спине самой тряской, сварливой и неудобной лошади во всем Белом Свете.

скатился с переворотом по боку коня прямо под ноги замыкавшим их походное построение умрунам и мешком повис на поводе. Конь, удивленный маневром седока, вопросительно заржал и, не дождавшись ни ответа, ни дальнейших указаний, остановился. Отряд тоже.

— С тобой всё в порядке? — тоже не слишком грациозно спешился Иванушка и кинулся к распростершемуся в утрамбованной колее магу.

— Кроме того, что из всего тела я чувствую только одну его часть, и лучше бы я ее не чувствовал? — приоткрыл глаза чародей и взглядом умирающей собаки заглянул в обеспокоенное лицо склонившегося над ним друга. — Если не считать такой мелочи, то да, я в отличной форме.

— Но ты же сам понимаешь, что мы должны торопиться...

— Я не жалуюсь, — стоически приподнялся на локте маг и мужественно выдвинул вперед нижнюю челюсть, сильно рискуя обрести нежелательную чувствительность еще и в прикушенном языке. — Кто сказал, что я жалуюсь?

Несмотря на несколько искусственные потуги на героизм и негибаемость, вид у волшебника был такой, что ему не нужно было утруждать себя словесными жалобами.

— Нет, конечно, ты не жалуешься, — вздохнул царевич, поднялся на ноги, повернулся к

умрунам, собравшимся вокруг них, и объявил во всеуслышание: — Объявляю привал на десять...

Взгляд на Агафона.

— ...двадцать...

Взгляд на Агафона.

— ...тридцать...

Взгляд Агафона, под которым дрогнуло и без того не черствое сердце лукоморца.

— ...сорок минут.

Чародей с блаженным стоном выпустил из рук повод, перекатился на другой бок, оказался на травке обочины и, отрешенно улыбнувшись, закрыл глаза, вытянулся во весь рост и замер.

Единственным желанием Иванушки было упасть рядом и заснуть, но его удержало осознание того, что если сейчас он остановится, сядет и прикроет глаза хоть на минутку, то откроются они у него лишь на следующий день. И не исключено, что к вечеру. Поэтому, с завистью посмотрев на Агафона и деда Зимаря, задремавшего на своем ложе из бурки и сухой травы на плечах четырех умрунов, царевич изобразил на измученном лице подобие улыбки и, с трудом переставляя затекшие ноги, двинулся по дороге вперед, обозревать окрестности.

Вся беда тут же, не стовариваясь и не дожидаясь приказа, зашагала за ним вслед.

— А вы куда? — с несколько сонным

удивлением обернулся Иван на свой эскорт.

— Мы должны охранять тебя, — торжественно напомнил ему Панкрат.

— Спасибо за заботу, но я никуда не уйду, а тут мне ничего не угрожает, — улыбнулся царевич. — Поэтому отдыхайте, оставайтесь в лагере. Охраняйте лучше мага и деда — им ваша помощь нужнее.

Умруны обернулись, скользнули оценивающим взглядом по старику, презрительным — по специалисту по волшебным наукам, и снова повернулись к Ивану.

— Им не нужна наша помощь, — упрямо мотнул головой не убежденный командиром Фома.

— А еще у нас приказ, — хитро прищурился нащупавший брешь в рассуждениях Ивана Кондратий.

— Но я просто хочу пройтись, погулять, проветриться, побыть один!.. — взмолился лукоморец.

— Ваш... Иван имеет на это право, — ровно кивнул Терентий. — Ты побудешь один, а мы побудем рядом.

— Но если вы будете рядом, я уже не буду один! — резонно указал на очевидное несоответствие Иванушка.

— А сколько тебя будет? — непонимающе нахмурились умруны.

Иван, потеряв на время дар речи, развел руками и сдался. Но не без боя.

— Хорошо, — кивнул он гудевшей, как улей в рабочий день, головой в знак согласия и заодно отгоняя притаившийся в засаде сон. — Только со мной пойдет... один солдат. Остальные пусть останутся тут.

И поспешно добавил, видя полтора десятка зарождающихся возражений:

— Это тоже приказ.

Умруны переглянулись, и из строя вышел Кондратий, на долю секунды опередив остальных.

— Пойду я, — сухо, но непреклонно произнес он, и все, включая Иванушку, согласились.

Пройдя пару-тройку сотен метров, Иван смутно — как, впрочем, все, происходящее вокруг него — понял, что избранный им метод оставаться в состоянии бодрствования нуждается в серьезной доработке. И предпочтительно в лежачем положении.

Если послушные ноги неохотно, но двигались, поочередно оказываясь одна впереди другой, как и хотел их хозяин, то безответственные и бессовестные глаза закрывались на ходу сами собой, а ему коварно демонстрировали цветной широкоформатный трехмерный сон о том, что всё в порядке, что идет он по заросшей травой старой колее, а рядом шуршат желтеющей листвой

подпирающие небо деревья и терпко пахнет сыростью и грибами...

Тряхнув головой, Иванушка на мгновение выныривал в реальность, успевал заметить под ногами дорогу и убедиться, что всё действительно в порядке, но усталость и бессонные ночи мгновенно брали свое, походя прихватывая и чужое, и царевич снова, мягко покачиваясь на волне сна, погружался в сладкое забвение...

В очередной раз он досрочно вырвался на поверхность сна оттого, что его кто-то окликнул.

— Кто?.. Что?.. — недоуменно заозирался он по сторонам мутным взглядом и увидел рядом с собой умруна. — А-а-а!!!.. А-а-а... Это ты... Ты меня звал?..

— Так точно, — подтвердил Кондратий.

— Пора возвращаться? — вспомнил лукоморец о сроке, отпущенном им на отдых Агафону.

— Нет еще, — качнул головой умрун. — Но, разрешите доложить, Иван, мне не нравится эта тропинка.

— Тропинка?.. Какая еще... — Иван растерянно оглянулся, и только теперь до него дошло, что словно по действию неведомого волшебства дорога у него из-под ног действительно пропала, а вместо нее им с Кондратием втихаря подсунули некогда широкую, а сейчас

основательно затянутую упругой кучерявой травкой тропу.

— Ой... — сконфузился лукоморец. — Кажется, мы слегка заблудились...

— Нет, не заблудились. Дорога там, — умрун махнул рукой себе за спину.

— Ну тогда ладно... — облегченно перевел дух Иванушка и снова нахмурился: — А почему она тебе не нравится? По-моему, тропинка как тро...

И тут умрун бросился на него.

Он ударил Ивана в грудь руками с такой силой, что у того вышибло дыхание едва не вместе с душой, и он отлетел кувырком в придорожную поросль метров на пять, сминая и калеча ветки кустарника и ломкие стебли сухой травы.

Сказать, что после такого полета сон как руками сняло, значит не сказать ничего.

Не давая воли взвившимся отчаянным мыслям — одна другой хуже — царевич, едва почувствовав под собой твердую землю, попытался вскочить на ноги, обнаружил, что земля всё-таки в другом направлении, перевернулся на сто восемьдесят градусов, предпринял еще одну попытку — теперь успешную, выхватил меч и, не дожидаясь, пока противник нанесет еще один удар, вслепую взмахнул им перед собой — раз, другой, третий...

Меч со свистом рассек воздух.

Иван яростно мотнул головой, мазнул рукой по глазам, сметая и размазывая лесную грязь и пыль, и замер.

В нескольких метрах от него, там, где по его представлениям, вполне могла оказаться так внезапно покинутая им тропинка, под огромным, кривым, раскачивающимся во все стороны, как от урагана, каркасом шатра кипело сражение.

Иван, не тратя времени на раздумья, откуда на пустынной лесной тропе появилось это архитектурное излишество, бросился туда, но не успел сделать и несколько шагов, как вдруг один из шестов опасно накренившегося нелепого каркаса вырвался из земли, спружинил и ударил его по правой руке. Меч вырвался из его сжатых пальцев, молнией промелькнул перед глазами, срезал трехлетнее деревце у его головы и глухо шлепнулся где-то за спиной. Царевич охнул и схватился за ушибленную — точнее, отшибленную — руку. Если бы она оказалась сломанной, он вряд ли бы удивился.

Да что же там происходит?!..

Он едва увернулся от повторного маха не на шутку развоевавшегося шеста, поднырнул под нависшую ветку, которая загораживала от него театр военных действий, и на мгновение остолбенел.

Прямо перед ним на злополучной тропинке,

уже едва шевелясь под полупрозрачным белым саваном, лежало нечто, по форме похожее на человеческое тело. А над ним навис и трудился, не покладая ног, самый громадный паук, какой только мог привидеться самому воспаленному сознанию в самом жутком кошмарном сне.

Темно-красный, почти черный, в редких ярко-зеленых не то пятнах, не то проплешинах голенастый арахнид размером с корову лихорадочно перебирал двумя передними конечностями, обматывая Кондрата толстой, упругой на вид паутиной.

Шестью остальными ногами, похожими на изломанные спицы гигантского зонтика, и которые Иван принял раньше за подпорки чудовищно нелепого шатра, он деловито упирался в землю.

Солдат под переливающимся серебристым слоем смирительного кокона слабо шевельнулся и затих, и сердце Иванушки пропустило удар: успел паук укусить свою жертву и парализовать ее или это нити паутины были настолько прочны, что даже гвардеец Костя не мог их разорвать?..

— Беги... Иван... спасайся!.. — донеслось сдавленно изнутри паутиной оболочки, и лукоморец словно очнулся.

Меч!!!

Где меч?!..

Счет пошел на секунды.

Иванушка рванулся обратно в лес, по своим следам.

Вот срезанное будто ножом деревце...
Помятая трава... Разбитый вдребезги куст...
Сломанные ветки...

Он метнулся направо, налево, вперед — да где же он?!..

— Беги... беги... — донеслось до него на грани слышимости.

Вот!!!

Меч лежал на кривом, кишащем рассерженными хозяевами, муравейнике, но царевичу было не до праведного гнева обиженных насекомых.

Он схватил оружие левой рукой — про правую можно было с чистой совестью забыть как минимум на неделю — и бросился назад.

Кондратий, опутанный тошнотворно поблескивающей, липкой даже на вид паутиной, лежал поперек тропы и не двигался, а арахнид склонил над ним багровую голову с тяжелыми воронеными челюстями, словно примеривался, с чего лучше начать обед.

— Ах ты... — Иван осекся, не в силах подобрать оскорбление, отражающее его душевное состояние, но в нем не было необходимости.

Враг заметил его и без этого.

Кривые шести-ноги медленно задвигались,

словно в па причудливого танца, и паук повернулся к нему передом, к лесу задом. Восемь черных, злобно блестящих шариков-глаз²⁶ вперились в него, будто оценивая с точки зрения кулинарной привлекательности, возможных органолептических характеристик, калорийности и содержания белков и углеводов. Челюсти, похожие на огромные мощные клещи, задумчиво смыкались и размыкались, словно паук пожевывал губами, решая жизненно важную для него проблему.²⁷

Иванушка смахнул волосы со лба, недобро прищурился и без дальнейших предисловий ринулся в атаку. Но не дремал и паук.

Оценка серьезности угрозы была дана, во-первых, быстро, во-вторых, положительная, и исполинская тварь решилась на упреждающий удар. Она накинулась на второе блюдо так, словно не ела полгода, и жвала встретились с мечом на полпути.

Если бы у пауков были голосовые связки, этот бы сейчас с удовольствием взревел: черный клинок

²⁶ «По одному на каждую ногу?» — задал сам себе к месту и ко времени вопрос Иван — юный натуралист и тут же забыл.

²⁷ Впрочем, так оно и было.

просвистел у самой его морды и одним махом лишил половины жевательного аппарата.

Ошалевшая от неожиданности и боли тварь покачнулась, и царевич, пробежав по инерции несколько шагов вперед, оказался под самым брюхом врага.

— Ага!!!.. — злорадно выкрикнул лукоморец и подпрыгнул, целя вонзить свое оружие в литое круглое пузо паука, но тот, наученный горьким опытом, поспешно выпрямил ноги.

Иван подпрыгнул.

Потом подпрыгнул еще раз, еще и еще...

С таким же успехом он мог стараться допрыгнуть до потолка в зале пиров в родном дворце в Лукоморске.

— Ах ты!.. — Иван метнул по сторонам кровожадный взгляд и бросился к толстым жердеобразным ногам противника, но тот снова оказался быстрее.

Он шустро отскочил, словно к лапам его были привязаны пружины, кинулся в одну сторону, в другую и заметался, закружился, затанцевал вокруг Иванушки, казалось, без труда уворачиваясь от его неуклюжих выпадов с неудобной левой. Тот очертя голову бросался за ним, норовя рубануть то по голове, то по лапам, то по животу — смотря что казалось ближе — но каждый раз промахивался или оказывался в намеченной точке на долю секунды

позже, чем ее покидал паук.

Казалось, эта игра в салочки могла продолжаться бесконечно, распаяя одну сторону и доводя до белого каления другую, но вдруг нога царевича зацепилась за что-то, и он упал. Он тут же попытался было вскочить, но к ужасу своему почувствовал, что не может оторваться от земли.

Рискуя заработать вывих органа зрения, не спуская одного глаза с врага, выжидательно замершего на тропе над неподвижным телом Кондрата, он скосил второй глаз на землю... и самые худшие опасения стали явью.

Он лежал на толстых упругих серебристых шнурах, беспорядочно переплетшихся на траве, словно клубок пряжи, размотанный очень энергичным котенком. Лукоморец ударил по ним мечом, но их было слишком много: рассекая одну нить, клинок тут же приклеивался к десятку других. Попытайся он изрубить на кусочки тесто в квашне, эффект был бы точно таким же.

Паук прищурил все восемь очей размером с бильярдный шар и осторожно сделал шаг в сторону бессильно трепыхающегося противника. Царевич яростно дернулся, прилип еще крепче, в отчаянии выкрикнул: «Помогите!» и прислушался. Безответная испуганная тишина окружала поле битвы. Кроме его рваного дыхания и шороха желтеющей травы под ногами паука — ни единого

звука. Видать, далекомько его занесло: кричи тут — не докричишься, зови — не дозовешься...

Чем больше муха бьется в паутине, тем сильнее запутывается, вспомнился ему вдруг давно пропущенный мимо ушей школьный урок естествознания, и Иванушка криво усмехнулся. Он не муха. Ему хватит и этого. Он должен экономить силы, чтоб продать свою жизнь подороже. Подходи, букашка, не стесняйся. Чтобы запеленать меня, как Кондрата, тебе придется подобраться ко мне поближе.

Иван взял наизготовку с трудом высвобожденный меч и прижался спиной к бледно-сиреневому стволу дерева в ожидании новой атаки.

Создавалось впечатление, что паук тоже понимал свои перспективы и поэтому не спешил бросаться в последний и решительный бой и лишь переминался с ноги на ногу, снова задумчиво пожевывая остатками клещей-жвал, больше всего напоминая теперь голодного беззубого старика перед тарелкой сухарей.

И откуда только этот проклятый зверь на их головы сва...

Вот.

Шальной взгляд Иванушки на мгновение оставил погруженного в тягостные раздумья арахнида и, словно по наитию, поднялся выше.

Прямо над тем местом, где стоял сейчас паук и где, похоже, он напал на них всего несколькими минутами раньше, над тропой причудливой аркой выгнулось незнакомое дерево с розоватой корой.

От которого свисала вниз, к хозяину, толстая, как трос, и натянутая, как струна, паутина.

«Пауку повезло», — на удивление отстраненно подумалось Ивану. — «Нашел как-то и зачем-то странно согнувшееся в удачном месте дерево — никогда не видел, чтобы деревья так круто дугой загибались — подвесился к нему и пожалуиста... тут же «кушать подано» ...»

Царевич скользнул взглядом по розовому стволу выше и с удивлением увидел, что верхушка выгнутого дерева соприкасалась, сливаясь, с верхушкой дерева, выбранного для него злым роком в качестве последней линии обороны.

Налетел порыв ветра, осыпал голубовато-желтыми листьями поле боя, паутинный лабиринт и лукоморца, бессильно сжимающего рукоять меча, и в поредевшей кроне, на самой верхушке, на солнце сверкнули плотные серебряные нити.

Так вот оно что!..

Оно не просто так согнулось — паук его привя...

Не дожидаясь, пока Иванушка додумает свою умную мысль, арахнид пришел к выводу, что враг

разбит и деморализован, и решил перейти в контрнаступление.

У Ивана не было особого выбора,²⁸ и он извернулся, обхватил сгибом локтя раненой руки гладкий сиреневый ствол, приподнялся, насколько его отпускала от земли жадная паутина, вытянул руку и изо всех сил взмахнул мечом, разрубая дерево на две части.

Долю секунды, показавшуюся часом, ничего не происходило, и сердце царевича начало медленное и болезненное путешествие в его же пятки, как вдруг...

Розовое дерево, почувствовав, что его больше ничто не удерживает в скрюченном положении, возбужденно задрожало листвой, тряхнуло ветками и гордо выпрямилось во весь свой двадцатиметровый рост. Изумленный паук, не успев сообразить, что происходит, со свистом взмыл в небо, словно очень большой и безобразный мячик на резиночке в руках шаловливого мальчишки.

Когда он достиг высшей точки, под тяжестью жирной туши паутина, связывающая его с деревом, оборвалась, и он со скоростью ураганного ветра

²⁸ Чтобы не сказать, что выбора у него не было вообще никакого.

понесся по баллистической траектории куда-то в лесную глушь. Несколько секунд спустя с той стороны до Ивана донесся приглушенный разноголосый треск, сочный шмяк и — тишина.

Розовое дерево стояло, рассеянно покачивая узловатыми ветками под легким ветерком, и кудрявая верхушка его, сиреневого, дерева свисала на серебристой паутине будто экзотический лесной орден за спасение погибавших.

Еще на подходе к их импровизированному лагерю царевич услышал все признаки невероятного оживления, возбуждения и даже исступления, которые были тем удивительнее, что исходили, похоже, от одного человека.

— ...Да что же вы стоите, как болванчики!.. Помогите мне!.. Ну же!.. Нет, вы только посмотрите, вы только поглядите!.. Это невероятно!.. Это восхитительно!.. Мы же с вами тысячники! Нет, десятитысячники! Да что там — стотысячники! Миллионеры!.. Да не стойте же вы просто так!.. Я вам приказываю!.. Я прошу!.. Дед, ну скажи же ты им!.. Пусть помогут!..

Завернув за поворот, Иванушка увидел специалиста по волшебным наукам, с бешеным азартом исполняющего какой-то древний языческий шаманский танец, но какой именно — дождя, плодородия, снижения налогов или еще чего — это и предстояло выяснить.

— Агафон, что тут у вас за праздник? — удивленно окинул он взглядом яростно подпрыгивающего чародея, приподнявшегося со своей растительной подушки деда и толпу неизменно хладнокровных²⁹ умрунов.

— Иван!.. — с облегчением выдохнул маг. — Наконец-то! Что у тебя с рукой?

— Мы...

— Ты, пока там гулял, тут такое пропустил! Мы лежим, отдыхаем, даже спим, и тут вдруг — У-У-У-У-У-УХ!.. БАЦ!.. ХЛОП!.. Или, скорее, даже ШМЯК!.. Прямо с неба вон туда, в те кусты падает что-то громадное!!! Меня как пружиной подкинуло! Я вскочил, да как побегу!!!.. В смысле, я пошел посмотреть, что там такое на нас обрушилось, я имел в виду...

— Пошел посмотреть, что такое на нас обрушилось, когда мы его поймали метрах в двухстах отсюда и притащили обратно, он забыл упомянуть, — невозмутимо дополнил рассказ Панкрат, и его товарищи торжественно кивнули, подтверждая истинность слов гвардейца.

— Я просто спросонья перепутал

²⁹ Исключительно в переносном смысле, т. к. никакой крови — ни горячей, ни холодной — Костей в них не оставлял.

направления, — высокомерно фыркнул чародей, и умруны снова с готовностью закивали с напряжено-серьезными лицами. — Ну и вот... Так что, ты говоришь, у тебя с рукой?

— Я...

— Ну это еще ничего. Так вот. Я пошел к месту падения, чтобы разузнать, что за неопознанное метрологическое... метеорологическое... метеоритное... метеорное... явление на нас упало и увидел — угадай что!.. вернее, кто!.. то есть, кого!..

— Ну...

— А вот и не угадал! — если бы у Агафона было не тридцать два, а триста двадцать два зуба, его торжествующая улыбка сейчас продемонстрировала бы их все. — Это был самый огромный, самый громадный, самый жуткий паук, упоминание о которых можно найти только в самых редких и древних фолиантах! Он упал на нас с неба, представляешь!.. Кстати, почему ты не говоришь, что у тебя с рукой?

— Это...

— погоди, не перебивай! Дослушай до конца! Про пауков таких размеров я не читал ни в одной книге!.. Правда, я не так уж много их и читал, но всё равно! Это же редчайший вид и экземпляр! И, самое главное, абсолютнодохлый!

— Почему самое главное? — непонимающе

нахмурился Иванушка.

— Потому что я их живых до смерти боюсь, — покосившись направо и налево, нет ли поблизости подслушивающих арахнидов, способных в будущем употребить во вред ему, волшебнику, сие тайное знание, сконфуженно признался маг. — А если мы такое страшилище в ВыШиМыШи привезем, то заработаем кучу денег! А из него сделают чучело, поставят в Круглом зале, потому что в кабинете насекомологии он точно не поместится, а к постаменту прикрутят табличку с моим именем!.. А если еще и сочинить правдоподобную историю о том, как я его победил!.. Естественно, при помощи моей магии... Так что у тебя с рукой, ты говоришь?..

— Поскользнулся, упал, — кривясь от боли в раздувшемся, как подушка, запястье, хмыкнул лукоморец, раздумывая, стоит ли рассказывать о том, как он заснул на ходу и едва не стал пунктом меню этого самого бесценного и редкого кандидата в учебные пособия.

Но Кондрат опередил его.

Покрытый остатками паутины, которые, как они не старались, полностью отодрать не смогли, облепленный пылью, сухими листьями и травинками, словно не слишком опрятный лесной дух, он выступил вперед из-за спины царевича и безэмоциональным ровным голосом изложил всё,

что с ними произошло с той секунды, когда на их голову упало это будущее чучело с паутинным ковриком в похожих на шесты лапах.

— Иван спас меня, — бесстрастно закончил он свой рассказ, и четырнадцать пар недоверчивых глаз его товарищей по оружию впились в его спокойное, хоть и не слишком чистое, лицо.

— Иван меня спас, — настойчиво повторил Кондрат, и умруны дрогнули.

Казалось, с ними что-то случилось, что-то важное и странное, чего никогда в истории гвардии царя Костей еще не было, но всю необычность момента испортил маг.

— Ка-абу-у-уча-а-а!.. — прошипел он восхищенно, ревниво прищурился и замычал, как будто у него разом заболели триста двадцать два зуба. — М-м-м-м!.. У-у-у-у!.. Ох, жалко-то как!.. Жалко, меня там не было!.. А то уж я бы...

— Мы тоже об этом пожалели, — невозмутимо кивнул Кондратий, и остальные четырнадцать гвардейцев поспешно отвернулись — не исключено, что-то скрывая от не заподозрившего подвох чародея.

Но тут ему пришла в голову новая мысль.

— А он успел тебя укусить? — загорелись глаза Агафона, а руки сами потянулись к записной книжке.

— А что? — недоуменно уточнил Кондрат.

— А то, что я читал в одной старинной рукописи, что был однажды случай, когда человека укусил почти такой же паук, и у него... у человека, то бишь, конечно, началась страшная болезнь: развилась мания преследования, мания величия и просто паранойя. Он стал покрываться синими и красными пятнами в белую клеточку, скакать по стенам, вырабатывать паутину...

— Чем? — тупо уточнил дед Зимарь, снова оторвав по такому случаю голову от подушки из травы на своем ложе.

— Что — чем? — не менее тупо переспросил недовольный волшебник, влет сбитый с интересной мысли.

— Чем он стал вырабатывать паутину, я говорю. У паука ведь паутина вытягивается из...

— Знаю, знаю, — отмахнулся Агафон и задумался. — В рукописи, по-моему, об этом не упоминалось, но, наверное, само собой разумеется, что и он — так же? Чем ему ее еще вырабатывать? Не руками же?.. Но я вам не про это битый час уже талдычу. Я прошу, нет, настаиваю, чтобы мы немедленно вытащили это чудище оттуда и взяли с собой!..

— Нам только дохлого паука еще не хватало, — устало вздохнул лукоморец, и, к своему удивлению, получил горячую поддержку от волшебника:

— Вот-вот! Хоть один понимающий человек нашелся! Я им это уже три часа внушаю, что нам не хватает именно его, а они — хоть бы что!..

В конце концов, разошедшегося не на шутку и позабывшего о своих печалях и страданиях Агафона удалось убедить, что огромную, местами лопнувшую, местами насаженную на обломки деревьев тушу паука сейчас никуда не надо везти, а следует оставить там, где она лежит, и предоставить заботам муравьев, личинок и прочей насекомости. А на следующий год, если уж так ему захочется, можно будет приехать сюда и забрать то, что от нее останется — то есть шкурку. И хлопот меньше, и везти легче.

Подумав, поморщившись и посомневавшись вволю, чародей неохотно согласился, и кавалькада снова продолжила путь.

Деревня возникла из леса без предупреждения: дорога петляла и путалась между незнакомых путникам деревьев странной наружности и свойств, огибая кусты, пни и муравейники, и вдруг вместо очередной заросли из поросли взгляд Иванушки уперся в забор — крепко сбитый из струганных досок высотой в полтора человеческих роста, серый от времени и непогоды, обросший местами паутиной (к счастью, обычной) и занозами.

Ознакомив пришельцев с изнанкой сельского

быта, пронырливая дорога ловко огибала угол крестьянской усадьбы и устремлялась вперед, превращаясь из скрытной и уклончивой лесной странницы в прямую гордость деревни — главную улицу, неровную, широкую и пыльную, как любая ее сестрица в Лукоморье.

При воспоминании о доме у Иванушки перехватило дыхание и наружу вырвался не приличествующий странствующему воину грустный вздох.

Агафон и дед Зимарь, покинувший по случаю посещения незнакомой деревни свои носилки и поддерживаемый теперь заботливо умрунами под локотки, с любопытством вертели головами по сторонам, разглядывая одинаково высокие и глухие заборы, подпертые поленьями ворота и двери, аккуратные палисаднички перед домами и наличники с резным орнаментом из трав и цветов.

Путники неспешно продвигались вперед, и кажущаяся на первый взгляд простой задача — попроситься на постой — с каждым следующим оставшимся за спиной домом начинала казаться невыполнимой: все люди, словно сговорившись, куда-то подевались, оставив вместо себя закрытые окна и двери да собачий лай.

Так они прошли почти всю деревню.

У ворот одного из домов на самой окраине — там, где кончалась улица и снова начинался лес —

лежало, почти полностью перегородив дорогу, огромное, выдолбленное из половинки колоды, пустое корыто.

— Ишь ты, — неодобрительно просипел дед Зимарь, не переставая расчесывать на ходу спутавшуюся за время, проведенное в горизонтальном положении, седую шевелюру и бороденку, пропуская через них узловатые пальцы. — Выбросили, называется... Покололи бы хоть на дрова, что ли, если уж такое доброе корыто им помешало, или людям бы отдали. А то выставили — ни пройти, ни...

На этих самых словах старика ворота приоткрылись, и взглядам неудачливых квартирантов предстала тощая, обтянутая полушубком из разномастных шкурок зверей неизвестной породы, спина.

Со двора донесся звонкий детский голосок:

— Вы погодьте, не торопьтесь, не торопьтесь, сейчас тятка с речки придёт, вам сам всё донесет, да еще и рыбой вам поклонится!..

— Есть мне когда тятку твоего ждать, — пробурчал недовольный скрипучий голос, и наружу показалась его и полушубка обладательница со своей волочившейся по траве двора ношей — выцветшим залатанным мешком, бугрившимся картошкой. — А рыбу пусть мне домой принесет — чай, помнит, где я живу.

Повязанная цветастым платком голова повернулась к прохожим, и суровый взгляд холодных синих глаз из-под кустистых бровей пронзил их насквозь.

— Бабушка, я вам сейчас помо... — сделал шаг по направлению к старухе царевич, но чуть не был сбит с ног дедом Зимарем.

— Разрешите, барышня? — подскочил он к старухе и бережно перехватил ее мешок. — Вам куда доставить? Направо? Налево? Мы мигом — бегом да ладом, оглянуться не успеете, как всё будет в полном порядке, как огурцы на грядке!

Бабка от неожиданности выпустила из рук свое имущество и захлопала глазами.

Дед по-молодецки выпятил грудь, подкрутил белый ус, хрипло откашлялся и заговорщицки подмигнул.

— А что вы делаете сегодня вечером? — интимно прогудел он в нос.

— Я... — сбилась и покраснела неожиданно даже для себя старушка. — Я... занята по хозяйству...

— А мы вам можем помочь, — предложил дед Зимарь, всем своим видом показывая, что под нейтральным и не компрометирующим девичью честь «мы» он, без тени сомнения, подразумевал только «я», «я» и еще раз «я». — Только скажите, что вам надобно: мы ведь и

пилить-строгать-приколачивать, и печку класть, и огород перекопать, и деревья обрезать можем, и бортничать способны, и колодец выкопать можем, и вообще...

— Ты за себя говори, — возмущенный одной мыслью о том, что кто-то подумал, что его можно заставить печку строгать, деревья выкапывать или огород приколачивать, покосился на деда чародей. — К тому же мы пришли сюда с другой целью, если ты помнишь.

— Да, — располагаяще улыбаясь, вновь вступил в разговор Иванушка. — Не знаете ли, бабушка, кто тут на пару дней постояльцев может принять?

— Такую-то ораву? — с сомнением оглядела отряд старуха, и взгляд ее снова непроизвольно остановился на деде Зимаре.

Тот умоляюще вскинул брови домиком.

Старушка, словно обжегшись, поспешно отвела глаза и приняла такой вид, словно дед-путешественник ее сто лет не интересовал и еще столько же не будет.

— Да мы тихие, и спать можем на сеновале, — поспешил пояснить лукоморец, не заметив безмолвного диалога.

Старуха помолчала, сведя брови над переносицей, пожевала тонкими бесцветными губами, потерла подбородок крючковатыми

пальцами и снова обвела цепким взглядом путников.

— А что хозяева за это будут иметь? — придя к какому-то заключению, как бы нехотя поинтересовалась она, тщательно избегая глядеть на Зимаря.

— Заплатить у нас нечем, — со вздохом признался Иван, — но мы по хозяйству отработаем, что они попросят.

Старик молодецки крякнул и демонстративно приподнял мешок с картошкой до уровня коленок.

Подвиг его остался так же демонстративно незамеченным.

— Ну ежели отработать обещаете... — с видом, громко восклицая «ох, смотрите, люди добрые, нашла, кому поверить, дура», проговорила старушка и оглядела с головы до ног притихших в ожидании решения путников, не забыв пропустить старика.

— Мы ведь всё умеем, у нас работа в руках горит! — орлом ³⁰ глянул на сомневающуюся пенсионерку дед, сделал шаг вперед, покачнулся... и выронил мешок.

Заплата оторвалась и освобожденная

³⁰ Правда, несколько взъерошенным, потрепанным и ощипанным за время болезни.

картошка, радостно и звонко подпрыгивая, разбежалась по улице, куда глазки глядели. Путники, как ястребы за цыплятами, кинулись за ней.

— Ну если и впрямь всё умеете... — не смогла скрыть усмешку, переходящую в улыбку, старуха и, метнув настороженный взгляд на деда Зимаря — не заметил ли, не воспринял ли неправильно — поспешно прикрыла лицо рукой.

Дед всё заметил и воспринял совершенно верно, и с новой, удвоенной силой бросился преследовать беглые корнеплоды.

— ...я вас к себе возьму, пожалуй, — вынесла решение старушка, понаблюдав с неприкрытым удовольствием за операцией «Перехват» в действии.

Дед Зимарь остановился, осторожно принял вертикальное положение и украдкой бросил нежный благодарный взгляд на предмет своей внезапной страсти. Ответом была суровая — даже слишком — мина.

— Вот спасибо! — обрадовался и царевич, выпрямляясь и прижимая к груди одной действующей рукой с десятков кривобоких картошин.

— А где вы живете-то? — заглядывался Агафон, который выбрал для себя роль держателя мешка и по земле, в отличие от других, не

ползал. — Далеко ли отсюда?

— Да я тут рядом живу... — неопределенно махнула рукой направо старуха.

— Как раз что нам и надо было! — победно ухмыльнулся, хлюпнул носом и чихнул дед Зимарь.

— Это хорошо, — согласился маг.

— ...километров семь-десять от деревни напрямки, не больше, — скромно закончила бабуля и стрельнула глазами — прямо в сердце несопротивляющегося старика.

— Лучше не придумаешь... — так и сомлел он.

— А что, поближе у вас никто бедных путников не примет? — посуровел и насупился Агафон.

— Теперь уже нет, — со странным удовлетворением произнесла старуха, и Иван ей отчего-то сразу и безоговорочно поверил.

Он понял, что если они сейчас откажутся, то до следующей деревни — не исключено, что лукоморской — им печки не видать.

— Ну так чё? Передумали, ли чё ли? — обнажила в очаровательной улыбке немногочисленные оставшиеся зубы бабка.

— За вами, барышня — хоть на край света, — умильно скосил на нее слезящиеся очи дед Зимарь.

Иван подумал, что поторопился с выбором квартирной хозяйки, когда та уселась в корыто

поверх мешка с отловленной и возвращенной в неволю картошкой, свистнула, гикнула, взмахнула пестом, всё это время скрывавшимся в долбленной посудине, и поднялась в небо, крикнув им, чтобы шли за ней, не отставали и не теряли из виду — искать не станет.

Сомнение стало подтверждаться, когда они, пройдя с лошадьми по кочкам и бурелому километров пять, всё-таки упустили не испытывающее таких затруднений корыто.

Когда же они решили было устроить привал там, где застряли, и уже насобирали веток для костра, и из кустов вдруг появился черный пень с красными резиновыми губами и махнул корнем, приглашая следовать за ним, сомнение перешло в уверенность.

Через час, усталые и измученные, предводительствуемые самодовольным пнем, который — Иванушка мог бы поклясться — специально выбирал дорогу покорявей, они вышли на широкую поляну и предстали перед сплошным высоким забором, опоясывавшим обширную усадьбу старухи.

Над забором, недобро гудя и мерцая, висело мутное облако.

— Что это?.. — подошел поближе любопытный лукоморец, но тут же отпрянул. — Пчелы!.. Да какие огромные!..

— Да это и не пчелы, поди... — болезненно скривился чародей и на всякий случай отступил на шаг и спрятался за умрунов.

— Ты, самое главное, руками не маши, — наставительно прокряхтел дед Зимарь со своих носилок.

— Ну, что? — кисло нашел его взглядом Агафон. — «Лучше не придумаешь»? Да? В такую даль перли, все ноги переломали, и вот тебе прием — пчел спустила! Везет — так сразу и во всём.

Ворота, почти незаметные на общем фоне серого от времени и дождей забора, заскрипели, приоткрылись, и из образовавшейся щели показалась знакомая старуха.

— Явились, не запылились, — беззубо ухмыльнулась она и лукаво стрельнула глазами в оживившегося и потребовавшего немедленно поставить его на ноги старика. — Ну, проходите, гости, глотать кости... ха-ха-ха... Извиняйте, что бросила вас на полпути — домой поспешила. Трех мужиков-то здоровых кормить ведь надо, не хухры-мухры.

Иванушка растерянно оглянулся на умрунов: хоть и попали они, похоже, на подворье к местной бабе-яге, а всё же откуда она знает, что его самозванная охрана на ее разносолы не претендует?..

Отвечая на невысказанный вопрос лукоморца, она растянула губы в хитрой улыбке.

— Убыр Макмыр еще и не такое знает, вьюноша.

— П-понял, — ошеломленно кивнул Иван и смирился.

Убыр сделала еще один шаг вперед, и тяжелые ворота распахнулись перед ней и путниками сами по себе. Взмах сухонькой ручки — и гудящее облако на мгновение зависло в воздухе и ринулось на них. Но не успели гости испугаться как следует, как здоровенные лохматые шершни, сделав над ними круг почета, вернулись назад и снова зависли над двором гудящей шапкой.

— Не бойсь, гостеньки — не укусят. Теперь, — ухмыльнулась Макмыр. — Они вас сейчас знают и не тронут. Пока я не скажу. Хе-хе. Шуткую я. Ну, чего встали, как столбики? Заходите, гостями будете, пока не надоест.

Специалист по волшебным наукам хотел поинтересоваться, кому надоест, но побоялся услышать ответ и на всякий случай не стал.

Путники первым делом почистили и выбили Масдая и задрапировали его вокруг давно не беленой, но очень горячей печи, после чего наспех умылись и пошли к столу, ведомые головокружительными запахами как самонаводящиеся и чрезвычайно голодные ракеты — отведать от убырских щедрот.

Щедрость ее простиралась на ведерный

чугунок с густым наваристым супом, в котором затонул — но не до конца — килограммовый ломоть мяса на мозговой кости, каравай черного хлеба, шаньги — «картовные» и «налёвные», как называла их сама Макмыр, и пресные лепешки с бортиками, наполненные болтушкой из яиц, сметаны, лука и грибов — перепечи.

— Очень вкусно, — работая челюстями и ложкой как заведенный, умудрился произнести и не подавиться Агафон.

— Спасибо, бабушка убыр, — поддержал его Иван и осторожно вложил неуклюжей левой рукой грубо струганную деревянную ложку в рот.

— Наша-то девица на все руки мастерица, — одобрительно закивал взъерошенной головой и дед, аккуратно стряхнул с бороды крошки в ладошку и кинул их в миску.

— Ну уж... — скромно потупилась от похвалы Макмыр, как невеста на смотринах. — Как таким гостям не постараться угодить...

— Постаралась ты, матушка, сразу видно, — стрельнул живыми глазами старик в сторону «девицы», и та зарделась.

— Вот славная женка кому-то достанется, — вздохнул, сокрушаясь, он.

Убыр окончательно смутилась, закашлялась, поправила идеально намотанный платок так, что его перекосило, и поспешила перевести разговор в

другое русло:

— А чёй-то это у тебя, мил друг Иван, с правой рукой-то? Ты ить меньше ешь, больше мучаешься. На улюху ты не похож, кажись...

— Поскользнулся, упал... — улыбнулся набитым ртом Иванушка, вспомнив их недавний разговор с волшебником.

— Эт ты приятелю своему расскажи, — обнажила в усмешке все семь зубов убыр и кивнула в сторону чародея. — Мне ведь вашу помощь тоже без оплаты оставлять не след, — ткнула она ложкой за окно. — А со мной по врачебной части из октябричей никто не сравнится, так что пользуйтесь, пока я добрая.

За окном, как раз напротив вкушающей октябрьской кухни компании, Панкрат и Егор сколачивали из подручного материала лестницу.

Все произошло как в одной лукоморской народной сказке: входящие постояльцы наступили на нижнюю ступеньку крыльца, и она провалилась, изъеденная изнутри в труху жучками. Пошли в дровяник искать доску на замену — не нашли, зато сквозь дыру в крыше увидели небо и тучки. Полезли латать — развалилась под ногами лестница. Стали сколачивать лестницу — треснуло топорище (молотка в хозяйстве убыр отыскать не удалось даже с ее помощью). Стали искать подходящее полено, чтобы вытесать новое —

обвалилась по-вамаяссьски ³¹ поленица, сложенная вдоль забора. Поленица обвалилась — стал виден подгнивший столб и дыра в ограде. Разобрали остатки поленицы, осмотрели всё, и нашли еще пять таких же кривых столбов, готовых подать в отставку в любой момент...

Умруны, бесстрастно обозрев весь затяжной разор в хронической форме, переглянулись, кивнули и, без лишних слов, разобрали инструменты, распределили обязанности и сосредоточено принялись за работу.

Дед Зимарь порывался было присоединиться, но Иван при поддержке Агафона и — что самое главное — хозяйки, ставшей вмиг ровно в пятнадцать раз заботливей и внимательней — оторвали его от пилы и усадили за стол.

Дозволив гостям дожевать последнюю шаньгу, тщетно пытавшуюся укрыться от печальной в судьбы за краем блюда, и оценить всю прелесть и крепость домашней кумышки, убыр тоном, не терпящим пререканий, заставила Иванушку поведать обстоятельства утреннего сражения на затерянной тропе.

— ...и ты сделал ЧЁ?!.. — восхищенно-недоверчиво прищурила она глаза и

³¹ Сикося-накося.

склонила набок голову, словно рассматривая своего гостя в первый раз.

— Перерубил дерево, которое держало его арку, — послушно повторил Иван. — Больше я ничего не мог придумать... Я понимаю, это был не слишком героический поступок...

— Это был единственно возможный поступок, если ты хотел остаться в живых, — фыркнула убыр. — Если бы он был чуток поумнее, он сразу бы забрался по арке на твое дерево и сбросил на тебя сеть, как на твоего солдата, и одним царским сыном на Белом Свете стало бы меньше. Хоть у него и мозгов с гулькиных клювов, а до этого он всё одно рано ли поздно ли додумался бы, будь спокоен.

— Бросьте, мадам. Пауки не умеют думать, — специалист по волшебным наукам разлепил склеивающиеся от сытости и усталости глаза, вальяжно изрек сей научный фак, и снова прикрыл более чем слегка осоловевшие очи. — Это суеверия отсталых народностей... Персонализация очеловечивания, так сказать... Идеализация анимализма... Метафора мышления... то есть, эпифора... Или метаморфоза?..

— Во-первых, — строго ожгла его взглядом Макмыр, и чародей почувствовал укол словно шилом и подскочил на скамье — глаза широко раскрыты, язык прикушен, — в моем доме срамно

не выражаться. Два раза говорить не стану, запомни с одного. А во-вторых, если не веришь — погуляй еще по нашим лесам хоть день. А когда вернешься — если вернешься — вот тогда и расскажешь мне, кто из вас умеет думать, а кто — так. Так что, царский сын, ты еще легко отделался. Я баньку протоплю, и мы твою руку поправим. Помнем, пошепчем, компрессик сделаем на ночь, отварчик попьешь — утром как новый будешь.

Дед Зимарь при этих словах натужно закашлялся, закатив глаза, захлюпал, затрубил носом, словно стадо слонов, и задышал полной грудью со свистом и хрипом, как дырявая гармошка.

— Ладно, уж. И тебя, старик, заодно полечу, — правильно поняла намек и холодно взглянула на него убыр, но дед довольно прикрыл хитрые глаза: за февральским холодом он угадал мартовскую оттепель, апрельское таяние и майское цветение.

— Спасибо... До смертушки не забуду доброту твою да заботу, барышня... — просипел он и зашелся в кашле.

— Раньше времени не благодарят, — сухо ответила Макмыр, не глядя на пациента, и стала подниматься из-за стола. — Сейчас посуду уберу да за баньку примусь.

— А куда ее убирать надо, бабушка убыр? Мы

вам поможем, — вызвался лукоморец.

— Да-да, — закашлялся старик, — эт мы мигом, моргнуть не успеешь, барышня, как твоя посудина по кухне летать будет да блестеть!

— А на двор ее убирать надоть, там стол есть, — кивнула в сторону расположения вышеупомянутого стола убыр. — А рядом с ним чан с водой, лыка пук и туес с золой. Да только ты, герой с одной рукой, сидел бы уж. И ты, чихотошный, не суетись. У вас, вон, и здоровых с двумя руками хватает, которые помочь хотят.

Последняя фраза подразумевала явно не Иванушку и не деда Зимаря.

Само подозрение в том, что он когда-либо хотел помочь кому-либо мыть холодной водой в октябре на улице посуду при помощи золы и пучка лыка было настолько смехотворным, что Агафон чуть не прыснул, сочтя его если не за издевку, то за шутку. Но сдавать назад было поздно, и он рассеянно повел плечами, будто мыть посуду именно таким образом ему приходилось на протяжении всей его жизни по пять раз в день, и ни о чем более увлекательном и приятном он и помыслить не мог:

— Это я-то? Посуду? Да легче легкого!

Он вылез боком из-за стола, подошел к открытому окну и окликнул одного из умрунов, деловито обтесывающего новый столб:

— Эй, ты, как тебя!..

— Терентий, — бесстрастно взглянул на него гвардеец.

— Да, Терентий. Я говорю, я сейчас посуду буду подавать, а ты принимай, и где-то тут стол с чаном есть — так на него ставь.

— Я принимаю приказы только от Ивана, — умрун равнодушно отвернулся и снова склонился над своей работой.

— Э-эй!.. — оскорбленно воскликнул маг. — Да как ты смеешь!.. Ты, солдафон!.. Иван, скажи ему!

— Терентий? — присоединился царевич к волшебнику.

— Да, Иван, — с готовностью выпрямился он и стал пожирать глазами командира как на царском параде.

— Помоги, пожалуйста, Агафону с посудой, хорошо?

— Будет исполнено, Иван, — умрун воткнул в бревно топор, вытер о штаны руки и встал у окна. — Пусть подает.

Специалист по волшебным наукам хотел было взять со стола первую партию уже составленных друг на друга дедом Зимарем тарелок, но перехватил насмешливо-снисходительный взгляд убыр и взвился.

Ах, так!.. Ах, так!.. Ах, вот как!.. Иван, значит,

у нас герой, хоть и однорукий, старик — больной, а Агафон — просто убогий, которого можно и шилом на расстоянии?! Ну, я ей покажу, что умеет почти выпускник ВыШиМыШи! Шепталка! Деревенщина! Невежда! Смотри на настоящего мага и учись!..

Ни слова больше не говоря, чародей принял стойку номер два, с презрением отвергнув мысль заглянуть хоть одним глазком в шпартгалку, словно горевшую огнем в потайном месте в рукаве, и гордо, отрывисто, будто отшвыривая от себя, выкрикнул слова заклинания и повел руками, собирая своей волшебной силой все миски, кружки, ложки, ножи, бутылки, чугунок и блюда со стола и отправляя их в окно, прямо в руки терпеливо поджидавшему Терентию.

В кои-то веки, заклинание удалось блестяще.

И даже слишком.

Блестяще — потому что вся утварь снялась со столешницы, как стая испугнутых уток, и дружно ринулась в окно.

Слишком — потому что, сбив умруна с ног, со скоростью курьерского поезда промчалась к забору, проломила в нем передним чугуном дыру и понеслась дальше, в лес, не иначе, как с серьезным намерением сделать в нем сегодня новую просеку имени себя. Вслед за нею, жалобно треща и скрипя, в окно пытался и не мог пролезть стол.

За его спиной, обнимая на верящего своему счастью деда Зимаря, согнулась пополам и задыхалась от хохота Макмыр.

Иванушка отвернулся к стене и внимательнейшим образом принялся изучать какую-то трещину в бревне. Плечи его неровно дрожали. От сдерживаемых рыданий, не иначе.

— Стой!.. — выкрикнула бабка резким, срывающимся от смеха голосом и чиркнула перед собой непослушной дрожащей рукой. — Стойте все!..

С первыми звуками ее голоса стол мгновенно опомнился, поспешно встал на пол всеми четырьмя ногами, устыдился своего легкомысленного поведения и покаянно застыл, словно удивляясь, какая нелегкая в него вселилась. Издалека, почти из леса, донесся звон падающего железа и стекла.³²

— Ох, насмешил!.. Ох, уморил!.. Ох, распотешил!.. — кряхтя, охая и утирая слезы, убыр оттолкнулась от деда, словно лодка от причала, и подошла к магу, отчаянно в этот момент жалевшему, что он сам не поддался действию своего заклинания, не вылетел в окно и не врезался

³² Причем, согласно вселенскому закону падающего железа и стекла, снизу оказалось именно стекло, а железо приземлилось точнехонько сверху.

головой в самое толстое дерево вокруг этой поляны...

— Ну, помог, ну, пособил, мил человек волшебник, нечего сказать!..

...или хотя бы не провалился сквозь пол, желательно к центру Земли...

— Ох, так в моем возрасте хохотать — и концы отдать недолго!.. Ну, чудо-чаровник!..

...просто отдать концы на месте — тоже неплохой вариант, по крайней мере, гораздо лучше этого, когда приходится стоять перед радующейся непонятно чему старой перечницей и выслушивать то, что и сам давно подозревал... чтобы не сказать, думал... а если еще точнее, знал... причем, совершенно точно...

— Ну, чудодейник... Ну, лиходей... И где вас только такому учат... Ступай теперь, принеси хоть то, чё осталось — мыть-то всё равно надо... И осколки все собрать не забудь: лес загаживать — последнее дело.

— Он не виноват, — выступил на его защиту лукоморец, среагировав на «лиходея» и на всякий случай испугавшись за друга. — Он старался, он хотел, как лучше... Только у него иногда... время от времени... почти всегда... так получается... Но он не со зла, бабушка убыр, вы не подумайте!..

— Да уж, со зла такое и не сотворить, — хмыкнула старуха, вспомнив что-то, коротко

хохотнула, мотнула снова головой, будто отгоняя назойливую мысленную картину и, помимо воли не переставая ухмыляться, окинула смешливым взглядом мага. — Силушка-то у тебя прет, как квашня из-под крышки, вьюноша, да только ...

— С-сила есть — ума не надо, вы это хотели сказать?.. — выдавил убитый результатами демонстрации оной специалист по волшебным наукам.

— Понимаешь, — одобрительно усмехнулась Убыр. — Сила — это еще не всё. Даже с такой, как у тебя, без умения ей управлять далеко не уйдешь, хоть все заклинания в мире наизусть выучи. Магия — это тебе не книжки листать, чаровник. Это суть твоя. В крови и в костях. И бросить ты ее не бросишь, и не надейся — точно прочитав тайные мысли студента, покачала головой старуха. — От нее уйти только ногами вперед можно.

— Д-да я знаю... Костями... чувствую...

Агафон взглянул на Макмыр как побитая собака, ссутулился, и сделал шаг к двери.

— Извините, бабушка... дурака... Пошел я собирать... что еще можно...

— Я тебе помогу! — присоединился к нему царевич.

— Да ладно, не стоит...

Убыр снова прищурилась, поджала губы, склонила голову набок, оглядела и так, и сяк, и эдак

подавленного и пристыженного мага и вздохнула:

— Ох, мужики... Ох, никому не говорите — не поверят... Такая я сегодня добрая, что самой противно. Уговорили. С банькой и с больными вашими управлюсь, и тебе, чаровник, несколько слов найдется. Это тебе не школа твоя с книжками да бумажками, я за тебя возьмусь, как следует.

— Воля ваша, — буркнул Агафон, пожал опущенными ниже некуда плечами и пошел, волоча ноги, к двери. — Учите, коль уж так хочется ... Да только не вы первая, не вы последняя.

Через два дня отдохнувшие, откормленные и излеченные от всех болячек, реальных и воображенных убыр,³³ путешественники стали собираться в путь.

Блаженствующий Масдай был развешен на заборе, чтобы остыл и проветрился перед дальней дорогой, мешок до отказа наполнен продуктовым набором путешественника, умруны в последний раз обрызганы составом, навсегда отбившим запах, доводящий деда Зимаря до озверения,³⁴ и честная

³³ Пришедшей в восторг от проведенного ремонта и доказавшей, что ничто общечеловеческое, включая благодарность, ей не чуждо.

³⁴ Исцеление от насморка имело, как и ожидал Иванушка, свои отрицательные стороны, едва не стоившие целостности

компания присела на свежесколоченном крылечке³⁵ на дорожку.

— Ну и куда вы теперь? — неожиданно погрустневшая Макмыр задала вопрос о месте назначения, словно чтобы отвлечься от других, беспокоящих мыслей.

— Домой, в Лукоморье, — посерьезнел Иванушка.

— В Лукоморье?!.. Так вы из Лукоморья будете? — охнула и всплеснула руками старушка. — Что ж ты раньше-то не сказал, мил человек?

— Да как-то не к слову пришлось, — недоумевая не меньше нее, пожал плечами царевич.

— Вы там, наверное, всех знаете? — продолжала расспрашивать убыр.

— Н-ну... — озадаченно задумался над вопросом царевич, вспоминая результаты последней переписи населения в ста семидесяти томах.

всей беде. От растерзания ее спас только пучок перьев, припасенный дальновидным царевичем в кармане и торопливо подоженный под самым носом старика.

35 Под свежевоздвигнутым навесом, перед свежезамененной дверной коробкой, напротив свежотремонтированных ворот и т. д. и т. п.

— А что? — перехватил инициативу маг.

— Да у меня тут надысь за несколько дней до вас девица одна гостила, тоже, говорит, если не врет, из Лукоморья вашего.

— Девица?! — взвился Иван.

— Ну да, — рассеянно кивнула Макмыр, не замечая волнения царевича. — Я с ней ученицу мою отпустила, Находку, чтоб приглядывала. Так что, ежели вы ее встретите...

— Девицу? — уточнил дед.

— Находку! — ворчливо фыркнула старушка.

— Как ее звали? — Иванушка схватил убыр за плечи и впился в ее лицо отчаянным взглядом, словно от ее ответа зависела его жизнь. — Как звали?..

— Да говорю же я — Находка ее зовут! — как на слабоумного поглядела Макмыр. — Ладная такая девка, рыжая, с веснуш...

— Да нет же, как девицу ту звали, с которой...

— Девицу?.. — удивленно нахмурилась Макмыр, откровенно не понимая, как такая мелочь может оказаться важнее того, как выглядит ее единственная и неповторимая ученица, которую лукоморцу предстоит узнать за тридевять земель. — Девицу... Имя у её иноземное... Се... Си... Син... Сер... Ах, да!.. Чё это я... Серафима, конечно. Серафима ее звали. Ну и девка, я вам скажу — та еще штучка. Оторви да брось. На колу

дыру верти т. С мечом да в штанах как парень бегала. И мальчонка при них еще — охламон еще тот...

— Серафима!!!.. — если бы Иванушка почувствовал еще большее облегчение, он бы взлетел. — Серафима!.. Ну, наконец-то!.. Сенька!..

— Нет, его не Сенька, его Саёк кликали, — гордая тем, что слету вспомнила еще одно иностранное имя, уверенно проговорила Макмыр, но Иван ее не слышал.

— Сенька, Сенька, Серафима, это же супружница моя нашлась!..

— ЧТО-О-О?!..

— Это она, я душой чувствую: она! Больше некому! — Иванушка от счастья разве что не целовал ошарашенную старуху. — Скажите, бабушка убыр, куда они пошли? Они сказали? Сказали?..

— Чудны дела твои, батюшка Октябрь, — благоговейно покачала головой Макмыр и зацокала языком.

Вчера весь вечер был посвящен путниками рассказам о своих приключениях и злоключениях (последних большинство), но как заговоренный, лукоморец не упомянул ни имени разыскиваемой царевны, говоря о ней исключительно «моя жена», ни откуда она.

А Макмыр тем временем не уставала

причитать:

— ...Вот ить, надо же... как оно на Белом Свете-то случается... Кто б сказал — так сама первая не поверила бы... Как в сказке ить...³⁶

— Куда они от вас пошли? — нетерпеливо затряс бабку царевич, но тут же отдернул руки и смущенно заизвинялся.

— Так в Лукоморье твое и пошли, — пожала плечами убыр, простив по случаю такого сказочного совпадения фамильярность лукоморца, и ткнула пальцем в указанном направлении. — Я им колобок спекла аржаной, куда он покатится — они за ним пойдут. Мимо Лукоморья не проскочат, не волнуйся. Точность — плюс-минус сто километров, для страны размера вашей — что муха на печке, и не заметишь.

— Когда они ушли?

— Дня два-три до вашего прихода, — вспоминая, наморщила лоб Макмыр. — Да, так и есть. Два дня. Как раз я за ними два дня порядок наводила, а на третий за картошкой в деревню полетела — тот-то фулюган у меня всё над лесом

³⁶ Мыльных опер и сериалов тогда еще не изобрели, произведений Лючинды Карамелли она не видела отродясь, и поэтому сравнить происходящее по-настоящему бедной убыр было и не с чем.

повыкидывал...

— Два дня! — не помня себя от радости, воскликнул Иван. — Два дня! Они по лесу пешком пробираются, далеко не успели уйти! На Масдае мы их мигом догоним!..

Убыр всё качала и качала головой, как заведенная.

— Ну, ежели она жена твоя, и ежели не убьет тебя когда под горячую руку, и не сбежит от тебя, то будете жить долго и счастливо, это я тебе обещаю.

Агафон и дед Зимарь уже сняли ковер с места его предполетной подготовки и расстелили на дворе поверх травы, слегка вытопанной многочисленными и энергичными гостями, усыпанной свежей стружкой и опилками, но все еще кудрявой. Пятнадцать умрунов и Агафон, немного потеснившись, без особого труда разместились на старом Масдае и уложили в середину мешок с сухим пайком. Ждали теперь лишь Иванушку и деда Зимаря.

Царевича пришлось ждать недолго: обняв и горячо поблагодарив старушку в последний раз и напомнив, что коней вместе со сбруей она может продать или подарить кому захочет, он быстро, едва не подпрыгивая от нетерпения поскорее взлететь, присоединился к своему отряду. Деду же, чтобы проститься, потребовалось намного больше

времени.

Он стоял перед зардевшейся и засмущавшейся вдруг непонятно отчего Макмыр, аналогичного цвета и состояния, и нервно бормотал несвязные, ненужные слова, густо пересыпанные поговорками и прибаутками, как балык — специями, получая такие же в ответ, пока не замолк и молча не уставился не на ведьму, не на колдунью, не на какую-то там чужую убыр — а на свою барышню, за которой хоть на край света.

Говори не то, что думаешь, а что чувствуешь, всплыла у него в сознании единственная здравая мысль за последние пятнадцать минут, и он взял убыр за руки.

— Запомни. Я. Обязательно. Вернусь.

— Да кому ты тут... — вырвала руки и начала было ершистую отповедь Макмыр, но осеклась, посмотрела на него как-то странно, и вдруг продемонстрировала ослепительную улыбку во все семь зубов. — Вот что, старик. Встретишь Находку — не забудь передать ей, пусть погуляет по Белу Свету, пока молодая, успеет еще в лесу насидеться.

— Так ты ж, вроде, наоборот... — не понял влюбленный такого поворота событий.

— А теперь — снова наоборот, — капризно повела плечиком бабка, закутанная в самый красивый в ее коллекции платок. — Подумала я тут, подумала и решила, что ученица мне еще не

скоро понадобится.

— Это почему же? — удивленно заморгал дед.

— Передумала я помирать, — заговорщицки подмигнула убыр и улыбнулась еще шире из-под съехавшего набекрень еще одного платка, серебряного призера ее гардероба: — В двести сорок лет жизнь только начинается!..

Иванушка читал когда-то, что в Стелле есть некий двуликий — или двуличный? — бог, фамилию не вспомнить, у которого вдобавок к стандартно расположенному лицу было еще одно, предположительно на затылке, чтобы он мог смотреть одновременно и вперед, и назад.³⁷ Зачем ему это было надо — для юного царевича всегда оставалось загадкой, не поддающейся уразумению, так как все люди и подавляющее большинство богов прекрасно обходились и стандартной комплектацией. Но, как бы то ни было, именно это сравнение чаще всего приходило ему на ум, когда он представлял, как выглядит со стороны Масдай, плавно, но проворно выписывающий зигзаги над верхушками лысеющего леса. Некое престранное существо с напряженно нахмуренными

³⁷ Иван всегда считал, что в шапке у этого бога вид бы был предурацкий.